

R U S S I A N
A D V A N C E D C O U R S E

A R E A R E A D E R

V o l u m e I I

One Day in the Life of Ivan Denisovich

A p r i l 1 9 6 3

D E F E N S E L A N G U A G E I N S T I T U T E

PREFACE

This book is used in the Russian department for the advanced course (30RU37W). The material was developed at the Defense Language Institute and approved for publication by the Institute's Curriculum Development Board.

The course is designed to train native English language speakers to Level 3.5-4.0 proficiency in comprehension and Level 3.0-3.5 proficiency in speaking, reading and writing Russian. The texts are intended for classroom use in the Defense Language Institute's intensive programs employing the audio-lingual methodology. Tapes accompany the texts.

EAST SLAVIC DIVISION
Russian Special Courses Department

R-18 Course

"ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА"

по А.Солженицину

В пять часов утра, как всегда, пробило подъём - молотом о рельс у штабного барака. Звон слабо прошёл сквозь стёкла, намёрзшие в два пальца, и затих; было холодно, и надзирателю неохота была долго звонить. Звон утих, а за окном всё так же, как и среди ночи, когда Шухов вставал к параше, была тьма и тьма, да виднелись в окно три жёлтых фонаря: один внутри лагеря и два на зоне. Почему-то не шли отпирать барак, и не слышать было, чтобы дневальные брали парашную бочку на палки - выносить из барака.

Шухов никогда не просыпал подъёма, всегда вставал по нему - до развода было часа полтора времени "своего", не казённого, и тот, кто знает лагерную жизнь, всегда может подработать: сшить кому-нибудь из старой подкладки чехол на рукавицы; богатому бригаднику подать сухие валенки прямо на койку, чтобы он не ходил босиком и не выбирал в куче; или пробежать по складам с обмундированием - кому-нибудь услужить, подмести пол или принести что-нибудь; или же идти в столовую собирать миски со столов и нести их в посудомойку, - может быть, накормят, но там желающих много, а главное - если в миске что-нибудь осталось, не можешь удержаться, начинаешь лизать. А Шухов твёрдо запомнил слова своего первого бригадира Кузёмина (старый был лагерный волк, к 1943-ему году сидел уже 12 лет), который сказал как-то: "Здесь, ребята, закон - тайга. Но и здесь люди живут. В лагере вот кто погибает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется, т.е. на освобождение от работы, да кто доносит на товарищей, по-нашему - "стучит"". Насчёт этого он, конечно, преувеличил: те-то себя оберегают, только на чужой крови оберегают.

Всегда Шухов по подъёму вставал, а сегодня не встал. Он лежал на койке, с головой накрывшись одеялом и бушлатом, а в фуфайку, в один рукав, сунув обе ноги вместе. Он не видел, но по звукам понимал что делалось в бараке и в том углу, где спит бригадный. Вот, тяжело ступая по коридору, дневальные пронесли одну из параш(а в каждой из них - восемь вёдер).

Считается лёгкой работой, даётся инвалидам, а вот попробуй - вынеси, не пролив ! Вот 75-ой бригаде бросили на пол кучу валенок из сушилки. А вот - и в нашей (и наша была сегодня очередь сушить). Бригадир и помбриг надевают валенки молча, койки скрипят. Помбригадир сейчас в хлеборезку пойдёт, а бригадир - в штабной барак. Да не просто к тем, которые наряды дают, как каждый день ходит, - нет; Шухов вспомнил, что сегодня судьба решается - хотят перевести их 104-ую бригаду со строительства мастерских на новый проект - "Соцбытгородок". А этот "Соцбытгородок" - голое поле, покрытое снегом, и прежде чем там можно что-либо делать, надо ямы рыть, столбы ставить и колючую проволоку для себя самих же натягивать - чтобы не убежали. А потом - строить.

Там, вероятно, с месяц и погреться будет негде. И костра нельзя разжечь - чем топить ? Работай как следует - одно спасение.

Бригадир озабочен, улаживать идёт. Вместо своей бригады - толкнуть туда какую-нибудь другую, нерасторопную бригаду. Ну, конечно, с голыми руками не договоришься. Старшему нарядчику надо полкило сала отнести. А может быть и целый килограмм. А не попробовать ли в санчасти от работы на денёк освободиться ? Всё ведь тело ломает. И еще вопрос: кто сегодня дежурит ?

Дежурит, вспомнил, "Полтора Ивана", худой и высокий черноглазый сержант. Первый раз посмотришь - прямо страшно, а когда узнали его все - лучше всех дежурных: ни в карцер не сажают ни к начальнику режима не таскает. Так что можно полежать пока в столовую девятый барак идёт.

Затряслись койки, закачались. Вставали сразу двое: наверху - сосед Шухова, баптист Алёшка, а внизу - Буйновский, бывший капитан второго ранга. Старжики дневальшие, вынеся обе параша, начали спорить - кому идти за кипятком. Ругались долго, как бабы. Электросварщик из 20-ой бригады закричал: "Эй, фитили, помирю !" и бросил в них валенком. Валенок глухо стукнулся о столб. Замолчали.

В соседней бригаде ворчал помбригадир: "Василий фёдорович ! В предстоле надули гады: порций меньше. Кому же недодавать ?" Он это тихо сказал, но уж, конечно, вся бригада это слышала. Всякий подумал: от кого же сегодня кусочек отрежут ?

А Шухов всё лежал и лежал на спрессовавшихся опилках своего матраса. Уж хоть бы что-нибудь определённое - или уж заболел бы как следует или бы вся ломота прошла; а то - ни то ни сё. Пока баптист шептал молитву, вернулся снаружи Буйновский и объявил: "Ну, держись, краснофлотцы ! Тридцать градусов мороза !" И Шухов решил идти в санчасть. И вот тут то чья-то, имеющая власть, рука сняла с него и фуфайку и оде-

яло. Шухов поднял бушлат с лица, поднялся. Под ним стоял худой Татарин. Ага, значит дежурил не в очередь и подошёл тихо. "Ша-854 !" прочитал Татарин на спине чёрного бушлата. "Трое суток карцера с выводом !" И едва только раздался его голос, как во всём полутёмном бараке, где на пятидесяти койках, полных клопов, спали двести человек, начали поспешно одеваться все те, кто еще не встал.

"За что, гражданин начальник ?" стараясь говорить жалобным голосом, сказал Шухов. Если бы выводили на работу - тогда еще не так плохо, это еще полкарцера, даже и горячее дадут; а вот полный карцер - это, когда без вывода.

"По подъёму не встал ? Пойдём в комендатуру", объяснил лениво Татарин, потому что и ему самому и Шухову и всем вообще понятно за что даётся карцер. На безволосом измятом лице Татарина не выразалось ничего. Он обернулся, ища еще какую-нибудь жертву, но уже все, кто в полутьме, кто под лампочкой, на первом этаже коек и на втором, проталкивали ноги в чёрные ватные брюки с номерами на левом колене, или, уже одетые, спешили к выходу, чтобы дождаться Татарина уже на дворе.

Если бы Шухову дали карцер за что-нибудь другое, где бы он заслужил это, ну, тогда не так было бы обидно. Обидно было именно то, что он всегда вставал одним из первых. Но просить Татарина было нельзя, это он знал. И всё же, продолжая просить его просто так, для порядку, Шухов тем временем надел ватные брюки (выше левого колена на них была нашита уже грязная, еле видная латка с номером Ш-854) надел фуфайку, на которой было два номера, на груди и один на спине, выбрал свои валенки из кучи на полу, с таким же номером спереди и вышел вслед за Татирином.

Вся 104-ая бригада видела, как уводят Шухова, но никто не сказал ни слова: ни к чему, да и что можешь сказать ? Бригадир мог бы защитить немного, но его уже не было. И Шухов тоже никому ни слова не сказал. Оставят для меня завтрак, подумал он, не забудут.

Мороз был с туманом, захватывающим дыхание. Два больших прожектора освещали зону крест-на-крест с дальних вышек. Светили фонари зоны и внутренние фонари. Их было так много, что звезд не было видно. Скрипя валенками по снегу, быстро пробежали эски по своим делам - кто в уборную, кто на склад посылок, кто сдавать продукты на кухню. У всех у них голова ушла в плечи, всем им холодно не так от мороза, как от мысли, что на таком морозе придётся пробыть весь день. А Татарин в своей старой шинели с голубыми петлицами шёл ровно, как будто и мороза не было. Они прошли мимо высокого забора вокруг БУР-а - каменной внутрилагерной тюрьмы; мимо колючей проволоки, охранявшей лагерную пекарню от заключённых и мимо столба, на котором висел, весь покрытый инеем, термометр.

Шухов с надеждой посмотрел на его трубочку - если бы он показывал сорок один, не должны бы были выгонять на работу. Но сегодня никак не натягивало на сорок. Вошли в штабной барак и сразу же в надзирательскую. Там уже выяснилось, как о том догадался Шухов еще по дороге: никакого карцера ему не было, а просто пол в надзирательской грязный, помыл надо. Теперь Татарин объявил Шухову, что прощает его и приказал ему вымыть пол.

Мыть пол в надзирательской было делом специального зэка, которого не выводили за зону, т.е. прямая обязанность дневального по штабному бараку. Но, живя долго в штабном бараке, он уже имел доступ в кабинеты майора и начальника режима и представителя МВД, прислушивал им, иногда слышал такие вещи, которых не знали и надзиратели и с некоторых пор стал считать, что мыть пол для простых надзирателей - для него некое унижение. Те позвали его раз, другой, поняли в чём дело и стали звать на мойку полов кого-нибудь из простых зэков.

В надзирательской весело горела печь. Снявши всё, кроме брюк и грязных гимнастёрок, двое надзирателей играли в шашки, а третий спал на скамейке. В углу стояло ведро с тряпкой. Шухов обрадовался и сказал Татарину на прощанье: "Спасибо, гражданин начальник! Теперь никогда не буду лежать долго".

Закон здесь был простой - кончишь и уйдёшь. Теперь, когда Шухову дали работу, как будто и ломать перестало. Он взял ведро и без рукавиц (забыл их, торопясь, под подушкой) пошёл к колодезю за водой.

Бригадиры, ходившие в ППЧ (планово-производственную часть) собрались около столба, и один из них, помоложе, бывший герой Советского Союза, влез на столб и прочищал термометр. Снизу советовали: "Ты только в сторону старайся дышать, а то поднимется..." Тюрин, шуховского бригадира, между ними не было. Поставив ведро и засунув руки в рукава, Шухов с любопытством наблюдал. А тот, со столба, сказал: "Двадцать семь с половиной, чёрт бы его побрал!" И для верности еще раз посмотрев, слез вниз. "Да он неправильный, всегда брешет", сказал кто-то. "Да разве правильный повесят в зоне!?" Бригадиры разошлись. Шухов побежал к колодезю. Под наушниками шипало уши морозом.

Колодец был весь во льду, так что и ведро плохо проходило. И верёвка стояла, как бревно. Не чувствуя рук, с дымящимся ведром Шухов вернулся в надзирательскую и сунул руки в воду. Потеплело. Татарина не было, а надзирателей было четверо; они перестали играть в шашки и спорили, по скольку им выдадут в январе пшена (в посёлке с продуктами было пло-

хо, и надзирателям, хотя карточки уже давно кончились, продавали коё-какие продукты отдельно, со скидкой).

"Дверь-то закрывай, ты, падаль! Дует!" бросил один из них. Никак нельзя было мочить валенки с утра. А другой обуви не было. Ох, всего насмотрелся Шухов за восемь лет, что касается обуви: бывало, и совсем без валенок зимой ходили, бывало и ботинок не видали, только лапти да ЧТЗ — это из резины делали, след автомобильной шины оставляли. Теперь как будто с обувью лучше стало: получил Шухов в октябре ботинки крепкие, широкие, на две портянки хватает; а почему получил — с помбригадиром вместе на склад ходил. Ну, с неделю ходил, как именинник — всё новыми каблуками стучал. А в декабре валенки прислали — вот жизнь, и умирать не хочется! Но тут какой-то чёрт в бухгалтерии начальнику сказал: валенки пускай получают; а ботинки сделают обратно, потому что непорядок, чтобы у ээка сразу две пары обуви было. И пришлось Шухову выбирать: или в ботинках всю зиму ходить или в валенках. Ботинки-то новенькие, как за ними ухаживал, — ну, ничего так жалко не было за этих восемь лет, как этих ботинок! В одну кучу бросили, и весной уже твоими не будут.

Сейчас Шухов догадался так сделать: быстро снял валенки, поставил их в угол, снял туда же и портянки (ложка стукнула о пол, выпала оттуда; как быстро ни одевался, а ложку-то не забыл!) и босиком, щедро разливая воду тряпкой, бросился под ноги к надзирателям. "Ты, гад, потише!" закричал один, поднимая ноги. "Да сколько ты воды берешь, дурак? Кто-же так моет?" — "Гражданин начальник! Да иначе пол не вымоешь! Грязь-то в пол глубоко вошла!" — "Да ты видел когда-нибудь, как баба твоя моет пол, свинья?" Шухов выпрямился, держа в руке тряпку, и улыбнулся простодушно, показывая недостаток зубов, уничтоженных цингой в 1943 году в Усть-Ижме, когда он "доходил". Так он тогда доходил, что кровавым поносом его пронесило нечисто, истощённый желудок ничего не хотел принимать. А теперь с того времени только шепелявенье осталось.

"От бабы меня, гражданин начальник, в сорок первом отставили. Не помню, как и выглядит она!" — "Вот так они моют! Ничего эти гады делать не умеют и не хотят! И хлеба того, что им дадут, не стбят! Дерьмом бы их кормить!" Вмешался другой: "Да на чёрта его и мыть каждый день? От этого только сырость большая. Слушай ты, 854-ый! Ты слегка только протри, чтобы влажно было, и уходи отсюда, ясно?" Шухов весело работал. Работа здесь это палка, у неё два конца: для людей делаешь — качество дай, для дурака делаешь — дай "показуху". А иначе бы все давно поумирали. Шухов протёр доски пола, чтобы сухих пятен не было, мокрую тряпку бросил за печку, у порога свои валенки надел, вылил воду прямо на дорожку, по которой ходило начальство, и — поспешил к столовой.

Надо было еще и в санчасть успеть - опять всё тело ломало. И еще надо было пройти так, чтобы надзиратели не поймали. Был приказ начальника лагеря строгий - отставших в столовую ловить и сажать в карцер. Перед столовой сегодня очереди не было. Внутри - пар, как в бане, мороз из дверей и пар от "баланды". Бригады сидели за столами или толкались в проходах, ждали - когда места освободятся. По два, по три от каждой бригады носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них место на столах. И всё равно - не слышит обалдуй, дурак, - вот и толкнул поднос! Рукой его свободной - трах по шее, по шее! Правильно! Не стой на дороге, не высматривай, где бы можно было подлизать!

Там за столом, еще не опустив ложку в миску, парень молодой крестится. Значит - украинец западный, и кроме того - новичок! А русские - забыли даже и какой рукой креститься надо.

Сидеть в столовой холодно, едят по большей части в шапках, но не спеша, вылавливая разваренную полугнилую мелкую рыбу из-под листьев чёрной капусты и выплёвывая косточки на стол. Когда на столе собирается целая горстка этих косточек, тогда кто-нибудь сбрасывает их на пол перед приходом новой бригады, и лежат они тогда на полу, а прямо на пол кости плевать - считается неаккуратным.

Посреди барака шли в два ряда столбы, и у одного из них сидел однобригадник Шухова - Фетюков, сторожил для него завтрак. Это был из последних бригадников, похуже Шухова. Снаружи вся бригада в одних чёрных бушлатах и номерах, а вот внутри - неровно, ступеньками идёт: Буйновского не посадишь с миской сидеть, и сам Шухов не всякую работу возьмёт, есть и пониже, чем он. Фетюков заметил Шухова и вздохнул, уступая место: "Уже всё холодное... Я за тебя есть хотел - думал - ты в карцере". И пошёл, не ждал, знал, что Шухов ему не оставит, обе миски очистит, как следует. Шухов вынул из валенка ложку. Ложка эта была ему дорога, прошла с ним весь север, сам он её делал в песке из алюминиевого провода и надпись на ней сделал: "1944 Усть-Ижма". Потом Шухов снял с головы шапку - как ни холодно, а не мог он себе разрешить есть в шапке - и быстро проверил что там попало в миску. Попало так себе, средне. Не с начала бака наливали, но и не с конца. А что касается Фетюкова, так тот - в состоянии картошку из баланды вытянуть. Только тем баланда и хороша, что горяча бывает, но у Шухова теперь она была холодная. Однако, он начал есть её медленно, теперь уж - пускай хоть крыша горит, спешить не надо. Не считая сна, лагерник живёт для самого себя только утром десять минут за завтраком, за обедом пять и за ужином пять. Баланда не менялась никогда, всё зависело от того, какие овощи заготовят. В прошлом году заготовили

только солёную морковку - так и шла баланда с сентября до июня на одной морковке. А теперь - капуста чёрная. Самое сытное время для лагерника - июнь: овощи кончатся, и их заменяют крупой. Самое плохое время - июль: собирают и режут в котёл крапиву.

Из мелкой рыбки в баланде были всё больше кости, мясо с них сварилось, держалось еще только на голове и на хвосте. Не оставив на рыбьем скелете ничего, мял еще зубами, высасывал скелет и плевал на стол. В каждой рыбе он ел всё: и хвост и голову и глаза.

Сегодня Шухов, не заходя в барак, не получил хлеба и теперь ел без хлеба. Хлеб можно потом отдельно, еще сытнее будет. На второе была каша из магары. Её Шухов ломал кусками. Магара - не только холодная, она и горячая ни вкуса ни сытости не оставляет: трава и только трава, но жёлтая и похожа на пшенё. Придумали давать её вместо крупы, так, говорят, китайцы едят. Если сварить - бывает триста граммов; правда, не совсем каша, но - похожа на кашу.

Облизав ложку и сунув её за валенок, Шухов надел шапку и пошёл в санчасть. Было так же темно в небе, с которого лагерные фонари согнали звёзды. И всё так же два прожектора резали зону. Когда этот особый лагерь начинали устраивать, у охраны было много осветительных ракет с фронта; как только потухнет свет - так они и пускали ракеты над зоной, и белые и зелёные и красные, прямо война настоящая! Потом перестали пускать. Может быть - дорогие ракеты?

Было всё так же темно, как и при подъёме, но опытному глазу по разным мелким приметам можно было легко определить, что скоро будет развод. Помощник "Хромого" (а дневальный по столовой "Хромой" еще сам кормил и держал себе помощника) пошёл звать на завтрак инвалидный 6-ой барак, т.е. тех, которые не выходят за зону. В культурно-воспитательную часть шёл старший художник с бородкой за краской и кистью - номера писать. Снова Татарин широкими шагами, спеша, перешёл дорогу к штабному бараку. И вообще - народу снаружи меньше, значит - все пользуются последней свободной минуткой, греются. Шухов быстро спрячется от Татарина за угол барака: второй раз поймает - опять придерётся. Да и никогда вообще зевать нельзя. Надо стараться, чтобы никакой надзиратель тебя одного не видел, только в толпе. Может быть, он человека ищет для работы, а может быть - зло отвести не на ком. Вот читали недавно приказ по баракам - перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и надевать её два шага спустя. Некоторые надзиратели бредут, как слепые, им это всё равно, а для некоторых это - удовольствие. Ох, сколько человек за эту шапку в карцер попало! Нет, уж давай лучше за углом пождём!

Вот прошёл Татарин, и Шухов уже совсем был готов идти в санчасть, как вдруг он вспомнил, что сегодня утром до развода назначил ему прийти длинный латыш из 7-ого барака за двумя стаканами самосада, а Шухов-то и позабыл. Высокий латыш получил вчера вечером посылку, и завтра этого самосада, может, уже и не будет, жди тогда целый месяц новой посылки! Хороший у него самосад, крепкий в меру и запах приятный. Но до санчасти оставалось так близко, и он отправился туда. Там, как всегда, было чисто в коридоре, так чисто, что было страшно ступать по полу. Стены окрашены белой эмалевой краской и мебель вся белая. Но двери кабинетов всё ещё закрыты. Врачи-то, вероятно, ещё не вставали. А в дежурке сидел фельдшер, молодой парень Коля Вдовушкин. Сидел он за чистым столиком, в свежем белом халате и что-то писал. Никого больше не было.

Шухов снял шапку, как перед начальством, и, по лагерной привычке лезть глазами куда не надо, сразу заметил, что Николай писал ровными строчками и каждую строчку начинал с большой буквы. Шухову сразу стало ясно, что это не работа, а "полевой", но ему до этого не было никакого дела.

"Вот что, Николай Семёныч... я вроде как болен..." сказал Шухов. Вдовушкин поднял спокойные большие глаза. На нём была белая шапочка, и номеров на ней не было видно. "Почему же ты так поздно? Почему не пришёл вечером? Ты же знаешь, что утром приёма нет... Список освобождённых уже в ППЧ". Да, всё это Шухов знал. Знал также, что и вечером освободиться - не проще.

"Да ведь, Коля... С вечера-то, когда тебе нужно, оно и не болит..." - "А что - оно? Что болит?" - "Да, собственно говоря, ничего и не болит, как будто, а вот ломает всего..."

Шухов не был из тех, кто ходил в санчасть, и Вдовушкин это знал. Но ему было дано право освободить утром только двух человек, и двух он уже освободил. "Надо было бы побеспокоиться пораньше. Что же ты - перед самым разводом? На!" и он дал Шухову термометр. Шухов сел на скамейку, на самый её край, только чтобы не упасть вместе с ней. Такое неудобное положение он выбрал не нарочно, а просто показывая, что санчасть - для него чужая, что пришёл он в неё так, с незначительной просьбой. А Вдовушкин писал дальше. Санчасть была в самом глухом углу зоны, сюда не достигали никакие звуки. Не слышно было и стука часов - заключённым часы не полагаются, за них время знает начальство. Даже мышей не было слышно, их всех выловил больничный кот, для этого и поставленный. Хорошо было Шухову сидеть в такой чистой комнате, в такой тишине, при ярком свете лампы - целых пять минут, и - ничего не делать! Осмотрел он все стены и ничего на них не нашёл. Осмотрел свою фуфайку - номер на груди

стирается, надо было бы подновить, чтобы не наказали. Свободной рукой попробовал бороду на лице - большая выросла, уже ей более дней десяти, еще с той бани. Но не мешает. Вот еще через три дня баня будет, тогда пусть и побреет, а то зачем в парикмахерской зря в очереди сидеть? Не для кого ему бриться.

Потом, смотря на белую шапочку Вдовушкина, Шухов вспомнил медсанбат на реке Ловеть во время войны, как он пришёл туда с повреждённой челюстью и (вот ведь болван!) по своей воле в строй вернулся. А мог дней пять пролежать. Теперь вот мечтал: заболеть бы недельки на две и без операции, только чтобы в больницу положили - лежал бы он, кажется, не двигаясь, а что кормят пустым бульоном - и то ничего! Но вспомнил Шухов, что теперь и в больнице отдохнуть нельзя. С каким-то этапом новый доктор появился, Степан Григорьевич, худой такой и шумный, и покоя от него больным нет: выдумал всех больных, которые в состоянии ходить, выгонять на работу при больнице. Забор ставить, дорожки делать, землю на клумбы носить, а зимой снег счищать. Говорит, что от болезни - работа первое лекарство.

От работы лошади дохнут, это мы знаем. Попробовал бы сам на камнях поработать - тогда бы тихо, смиренно сидел.

...А Вдовушкин писал и писал. Он, действительно, занимался "левой" работой, но для Шухова непонятной. Он переписывал новое длинное стихотворение, которое вчера отдал и сегодня обещал показать Степану Григорьевичу, тому самому стороннику трудотерапии.

Как это делается в лагерях, Степан Григорьевич и посоветовал Вдовушкину объявиться фельдшером, поставил его на эту работу, и стал Вдовушкин учиться как надо делать внутривенные уколы на простых рабочих, в чью голову не могло бы вступить, что - фельдшер-то может быть и не фельдшером. На самом же деле Коля был студентом литературного факультета, арестованный со второго курса. Степан Григорьевич хотел, чтобы тот в тюрьме мог написать то, чего ему не дали написать на свободе.

Сквозь двойные, непрозрачные от льда, окна послышался звонок развода. Шухов вздохнул и встал. Ему было плохо, как и раньше, трясла лихорадка. Вдовушкин посмотрел на термометр: "Видишь ли, ни то ни сё - тридцать семь и две. Если бы было тридцать восемь - каждому ясно. Я тебя освободить не могу. Если хочешь - останься, но на свой страх и риск. Если после проверки доктор посчитает больным - освободит, а посчитает здоровым - в БУР. Лучше уж иди за зону". Шухов ничего не ответил, надел шапку и вышел. Разве же тот, кому тепло поймёт когда-нибудь того, кому холодно?

А мороз нажимал. Больно охватил он Шухова и заставил его кашлять. В морозе было 27, а в Шухове 37. И вот теперь

посмотрим - кто кого !

Побежал Шухов в барак. Линейка вся была пуста, и лагерь был пуст. Это была та короткая минутка, когда уже всё ясно, но все притворяются, что - нет, не будет развода. Конвой сидит в тёплых казармах, прислонив сонные головы к винточкам, тоже ведь и им - не масло сливочное в такой мороз на вышках сидеть. Вахтёры на главной вахте подбрасывают в печку уголь. Надзиратели в надзирательской докуривают последнюю папиросу перед обыском. А заключённые, уже одетые, во всех своих порванных тряпках, перепоясанные всевозможными верёвочками, закрывшись от подбородка до глаз тряпками от мороза, лежат на нарах поверх одеял в валенках, закрыв глаза. Пока бригадир не крикнет: "Подъём !"

Дремала со всем девятым бараком и 104-ая бригада. Только помбригадир Павло, шевеля губами, что-то считал карандашом, а на верхних нарах баптист Алёшка, сосед Шухова, чистенький, умный, читал свою записную книжку, где у него была переписана половина Евангелия.

Шухов вбежал, хотя и быстро, но совсем тихо, и сразу - к помбригадировой койке. Павло поднял голову: "Не посадили, Иван Денисович ? Живы ?" (Западных украинцев никак нельзя переучить, они даже и в лагере называют по имени-отчеству и на "вы"). И, взявши со стола, протянул хлеб. А на хлебе - маленьким холмиком сахар лежит. Очень спешил Шухов и всё же ответил прилично (потому что помбригадир - тоже начальство, от него даже больше зависит, чем от начальника лагеря). Уж как спешил, с хлеба сахар губами забрал, языком лизнул, начал влезать наверх, постель поправлять, а хлеб осмотрел со всех сторон и рукой на лету взвесил: есть ли в нём те 550 граммов, что положены. Не одну тысячу этих хлебов переполучал Шухов в лагере и в тюрьме, и хотя никогда не мог проверить на весах точный вес, и хотя протестовать и шуметь не смел, но каждому арестанту и Шухову давно понятно, что, честно вешая, в хлеборезке удержаться на месте невозможно. В каждом хлебе есть какая-то недодача, - только какая ? Велика ли ? Вот каждый день и смотришь, чтобы душу успокоить, - а может быть сегодня обманули не на много ? А может быть в моём-то хлебе почти все граммы ?

Грамм 20 не хватает - решил Шухов и разломал хлеб надвое. Одну половину за пазуху сунул, под фуфайку, а там у него специальный карманчик есть (вообще же для ээков фуфайки шьют на фабрике без карманов). Другую половину, сэкономленную за завтраком, хотел съесть сейчас же, но еда наспех - не еда, даром пройдёт, без всякой сытости. Хотел сунуть полхлеба в тумбочку, но опять раздумал: вспомнил, что дневальные уже два раза за кражу биты. Барак большой, как проезжий двор.

И поэтому, не выпуская хлеба из рук, Иван Денисович вытянул ноги из валенок, ловко оставив там и портянки и ложку, влез босой наверх, расширил дырку в матрасе и туда, в опилки, спрятал свои полхлеба. Снял шапку с головы, вынул из неё иголку с ниткой (тоже запрятана глубоко, потому что во время проверки и шапки осматривают; раз надзиратель так укололся об иголку, чуть Шухову голову со злости не разбил). Раз, два, три - вот дырочка и зашита. А тем временем сахар во рту уже растаял. Всё в Шухове было напряжено до крайности - вот сейчас нарядчик в дверях закричит. Пальцы Шухова двигались, а голова работала, думая наперёд - что дальше будет.

Баптист читал Евангелие не совсем про себя, а как бы и вслух (может быть, это для Шухова нарочно; они ведь, эти баптисты любят агитировать): "...только бы не пострадал из вас кто-нибудь, как убийца или как вор. А если как христианин - то не стыдись, а прославляй Бога за такую судьбу!"

Вот почему Алёшка молодец: эту свою книжечку он так прячет в щель в стене, что ни при одном обыске у него не нашли.

Теми же быстрыми движениями повесил Шухов бушлат, вынул из-под матраса рукавицы, еще пару дырявых портянок, верёвочку. Опилки в матрасе немного разровнял (тяжёлые они, спрессовавшиеся), одеяло поправил, подушку бросил на место, босиком слез вниз и начал надевать обувь - сначала хорошие новые портянки, потом сверху - плохие. И вот тогда бригадир встал и объявил: "Кончай ночевать, сто четвёртая! Выходи!" И сразу же вся бригада, дремала ли, не дремала ли, встала и, зевая, пошла к выходу. Бригадир - 19 лет сидит, уж он на развод не выгонит ни одной минуткой раньше. Если уж сказал: "Выходи!" значит - еле-еле успеешь выйти.

И пока бригадники, тяжело ступая, без слова выходили один за другим сперва в коридор, потом на крыльцо, а бригадир 20-ой, подражая Тюрину, тоже объявил: "Выходи!" - Шухов успел и валенки надеть на две пары портянок и бушлат надеть сверх фуфайки и подпоясаться верёвочкой (если у кого-нибудь и были ремни, так их отобрали, потому что в Облаге нельзя ремень иметь).

Всё успел сделать Шухов и догнал своих бригадников - их спины с номерами уже выходили через дверь на крыльцо. Располневшие, надевшие на себя всё, что только у них было из одежды, бригадники гуськом, не стараясь догнать друг друга, тяжело шли к линейке. Было всё еще темно, хотя небо на востоке уже светлело. И, тонкий, злой, - потягивал ветерок.

Вот хуже этой минуты нет - на развод рано утром идти. В темноте, в мороз, с голодным желудком, и на целый день. Язык отнимается. Не хочется друг с другом говорить.

У линейки бегал младший нарядчик. "Ну, Тюрин, сколько ждать? Опять еле тянешься?" Ну, младшего-то нарядчика Тюрин не боится - идёт молча. И бригада за ним по снегу. А килограмм сала, наверно, отнёс, потому что 104-ая опять на своё место, в свою колонну пришла, по соседним бригадам видно. Очевидно, на Соцбытгородок кого-нибудь поглупее погонят. Ох, трудно там будет сегодня, двадцать семь, с ветром, ни укрытия, ни тепла.

Бригадирю надо много сала: и в ППЧ отнести и свой живот наполнить. Бригадир - хотя посылки и не получает, а без сала не сидит. Если кто-нибудь из бригады получит - обязательно ему несёт. А иначе - и прожить нельзя.

Старший нарядчик отмечает по дощечке: "у тебя, Тюрин, сегодня один болен, значит на выходе 23?" - "23", кивает бригадир.

Кого же нет? Пантелеева нет. А разве он болен? И сразу же: "шу-шу-шу" - по бригаде... Пантелеев, сукин сын, опять в зоне остался. Опять "стучать" на кого-то будет. Ведь днём его могут вызвать свободно, не видит никто, не слышит никто. А регистрируют - по санчасти!

Вся линейка чернела от бушлатов, и вдоль неё медленно передвигались бригады к месту обыска. Вспомнил Шухов, что хотел подновить номерок на фуфайке, протолкался через линейку на другую сторону. Там в очереди стояли два-три зэка, стал и Шухов. Номер для нашего брата - один вред, по нём тебя издали надзиратель заметит, и конвой запишет, а если не обновишь номера вовремя - тебе же и карцер: почему не заботишься о номере?

Художников в лагере трое, пишут бесплатные картины для начальства и еще ходят по очереди на развод - номера писать. Сегодня старик с седой бородкой. Когда номер на шапке пишет - как будто поп миром лоб мажет. Красит и в перчатку дышит. Перчатка вязаная, тонкая, рука замерзает и не может номер написать.

Художник подновил номер Шухову на фуфайке "Ш-854", и Шухов, уже не застёгивая бушлат (потому что до обыска оставалось немного времени) с верёвочкой в руке догнал бригаду. И сразу увидел: Цезарь, один из его однобригадников - курил. Он курил не трубку, а сигарету, значит - покурить можно. Но Шухов не стал просить прямо, а остановился совсем рядом с Цезарем и вполоборота начал смотреть мимо него.

Он смотрел мимо, и как будто равнодушно, но видел, как после каждой затяжки (Цезарь затягивался редко, о чём-то задумался) полоска красного пепла передвигалась по сигарете, подходя к самому мундштуку. Здесь же стоял и Фетиков (шакал!), стал прямо против Цезаря и в рот ему заглядывает, а

глаза - горят.

У Шухова не осталось ни табачинки, и не думал он раздобыть прежде вечера - весь он напрягся в ожидании, и желаннее ему был сейчас этот хвостик сигареты, чем, казалось, сама воля, свобода, но он сдерживал себя и так, как фетюков, в рот не смотрел.

В Цезаре - все нации перемешаны: не то он грек, не то еврей, не то цыган, нельзя понять. Молодой еще. Картины для кино снимал. Но даже и первой не удалось снять, как уже посадили. Усы у него - чёрные, густые. Здесь их у него не сбрили, потому что таким образом на карточке снят, в деле.

"Цезарь Маркович!" не выдержав, сказал фетюков. - "Дайте разок потянуть!" И лицо его дрожало от жадности и желания.

Цезарь поднял веки, полуспушенные над чёрными глазами и посмотрел на фетюкова. Поэтому-то он и трубку стал курить чаще, чтобы не перебивали, когда он курит, чтобы не просили докурить. Курил он, чтобы возбудить в себе сильную мысль и дать ей найти что-то. Но, как только он закуривал, сразу же в нескольких глазах видел: "Оставь докурить!"

Цезарь повернулся к Шухову и сказал: "Возьми, Иван Денисович!" - и большим пальцем вывернул горящий окурок из янтарного мундштука. Шухов обрадовался (он и так ожидал, что Цезарь ему сам предложит), одной рукой поспешно и благодарно взял окурок, а другую руку держал снизу - чтобы не уронить. Он не обиделся, что Цезарь не давал ему докурить в мундштуке (у некоторых рот - чистый, а у других - грязный) и его пальцы не обжигались, держась за самый огонь. Главное он шакала фетюкова пересёк и вот теперь тянул дым, пока губы не стали гореть от огня. М-м-м! Дым разошёлся по голодному телу, и в ногах почувствовал и в голове. И только было это разлилось по всему телу, как услышал Иван Денисович шум: "Рубашки нижние отбирают!"

Так вот и вся жизнь у ээка, и Шухов уже привык; только и смотри, чтобы на горло тебе не бросились. А почему - рубашки? Рубашки же выдавал сам начальник!?

То места обыска оставалось еще две бригады впереди, и вся 104-ая увидела: от штабного барака подошёл начальник режима лейтенант Волковой и что-то крикнул надзирателям. И надзиратели, обыскивавшие без него кое-как, бросились теперь, как звери, а их старший крикнул: "Расстегнуть рубашки!"

Волкового - не только ээки и не только надзиратели, его и сам начальник лагеря, говорят, боится. Вот Бог шельму метит - фамильцу-то какую дал: Волковой! Иначе, как волк, он и не смотрит. Тёмный, высокий, нахмуренный, и быстро носится. Вылетит вдруг из-за барака: "А вы что тут собрались?" - не спрячешься. Сначала он еще плётку носил кожаную, тяжёлую. Говорят, его бил в БУР-е. Или на проверке, бывало, себе-

ругся зэки около барака, а он сзади и - хлоп ! плёткой по шее: "Почему в строй не стал, падашь ?" Толпа от него, как волна, отбегает. А тот, обожжённый, - схватится рукой за шею, кровь вытрет, молчит: только чтобы еще БУР-а не дал !

Теперь почему-то плётку перестал носить.

В мороз при обыкновенном обыске, если не по вечерам, так хоть утром, порядок был мягкий: зэк расстёгивал бушлат и отводил его пблы в стороны. Так шли по пять человек, а там - пять надзирателей стояло. Они хлопали зэка по бокам фуфайки, хлопали по единственному положенному карману на правом колене, и если что-нибудь непонятное было - не вынимали сразу, а спрашивали: это - что ? Утром - что можно искать у зэка ? Ножи ? Так ведь их не из лагеря носят, а в лагерь. Утром надо проверить, не несёт ли с собой еды килограмма три, чтобы с нею сбежать из лагеря. Было раньше время - так так этого хлеба боялись, кусочка двухсотграммового на обед, что был приказ отдан: каждой бригаде сделать себе деревянный чемодан и в этом чемодане носить весь бригадный хлеб, все кусочки от бригадников собирать. Почему это им было удобно - неизвестно, а скорее всего, чтобы людей помучить, лишняя забота: ты этот свой кусок надкуси да заметь как надкусил, да клади в чемодан, а они, куски, - все похожие, всё равно, все из одного хлеба, и всю дорогу об этом думай и мучайся, не подменят ли твой кусок, да друг в другом спорь, а иногда и до драки. Но раз случилось, что сбежали однажды трое из производственной зоны на автомашине и захватили с собой такой чемодан. Тогда начальники передумали и все чемоданы уничтожили. Опять носи, говорят, каждый сам для себя.

Утром еще надо проверить - не надет ли на зэке костюме гражданский под зэковский ? Но ведь наши вещи гражданские уже давно у всех отобрали и не отдадут их до конца срока. А конца срока в этом лагере еще никто не видел.

И еще проверить - не несёт ли письма, чтобы через кого-нибудь из "вольных" протолкнуть ? Но у каждого письмо искать - до обеда протянется.

Но Волковой что-то крикнул искать - и надзиратели быстро сняли перчатки, приказали распусть фуфайки (где каждый прятал тепло барачное), расстегнуть рубашки - и начали искать, нет ли чего-нибудь против устава. Каждому зэку полагается две рубашки - нижняя и верхняя, остальное - снять ! - вот как передали из ряда в ряд приказ Волкового. Повезло передним бригадам - они уже прошли, некоторые уже и за воротами, а нам - раздевайся ! У кого что-нибудь внизу надето - снимай тут же, на морозе !

Так они и начали, но тут вот что вышло: в воротах уже прочистилось, конвой с вахты кричит: "Давай !" И когда дош-

до до 10⁴-ой, Волковой сменил гнев на милость: записывай на ком что лишнее, вечером пусть сами сдадут и объяснительную записку напишут - почему, мол, скрыли.

На Шухове - всё казённое, пожалуйста, шулай - грудь да душа, а у Гезаря - рубашку тёплую записали, у Буйновского - билет какой-то; Буйновский на миноносцах-то своих привык, а вот в лагере не привык - и трёх месяцев еще не просидел: "Вы не имете права людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса знаете?"

Имеют. Знают. Это ты, брат, еще не знаешь!

"Вы - не советские люди!" ругается капитан. "Вы не коммунисты!"

Ну, статью из кодекса еще кое-как вытерпел Волковой, а тут - как чёрная молния - задрожал: "Десять суток строгого ареста!" И потом, потише, старшине: "К вечеру - оформишь!"

По утрам они не любят человека в карцер сажать, потому что "человеко-выход" теряется. Пусть целый день спину гнёт, а вот вечером его - в БУР!

Тут же и БУР, по левую сторону от линейки, каменный и в два крыла. Второе крыло этой осенью достроили, так как в одном помешаться не стали. На восемнадцать камер тюрьма и одиночки построены. Весь лагерь - деревянный, а тюрьма - каменная.

Холод под рубашку зашёл, теперь его не выгонишь. Старались потеплее одеться эски - всё оказалось зря! И ломает спину Шухову - в койку бы больничную сейчас лечь и спать. И больше ничего не хочется. И одеяло бы - потяжелее...

Стоят эски перед воротами, застёгиваются, завязываются, а конвой кричит снаружи: "Давай! Давай!"

И нарядчик в спины толкает: "Давай! Давай!"

Один ворота. Предзонник. Потом - вторые ворота.

"Стой!" кричит вахтёр. "Как стадо баранов! По пяти рассчитайся!"

Уже светлело. Догорал костёр конвоя перед вахтой. Они перед разводом всегда костёр разжигают, чтобы греться и чтобы виднее было считать.

Один вахтёр громко, резко считал: "Первая! Вторая! Третья!" - и пятёрки отделялись и шли отдельными цепочками так, что - смотри хоть спереди, хоть сзади - пять голов, пять спин, десять ног.

А второй вахтёр - контролёр, тот - молча стоит, только проверяет: правильные ли счёт.

И еще - лейтенант стоит - смотрит. Это - от лагеря.

Человек - дороже золота. Одной головы за проволокой не хватает - свою добавишь.

И вот бригада опять сошлась вместе.

Теперь сержант конвоя считает: "Первая ! Вторая ! Третья !" И опять отделяются пятёрки и идут отдельными цепочками. А с другой стороны - помощник начальника караула проверяет. И еще - лейтенант. Это - от конвоя.

Никак нельзя ошибиться. За лишнюю голову распишешься - своей заменишь.

А конвоиров, конвоиров - сколько ! Полукругом обняли колонну, автоматы подняли, прямо тебе в морду. И собаководы с серыми собаками. Одна собака зубы оскалила, как будто смеётся над эсками. Конвоиры все в полушубках, только шестеро - в тулупах. Тулупы у них сменные - тот надевает, кому надо на вышку идти.

И еще раз смешав бригады, конвой пересчитал всю колонну по пятёркам.

"На восходе солнца самый большой мороз бывает !" объясняет кавторанг. "Потому что это - последняя точка ночного охлаждения". Капитан вообще любит объяснять. Какой, например, месяц - молодой ли, старый ли - рассчитает тебе на любой год, на любой день.

На глазах "доходит" капитан, щеки впали, а сам - бодрый. Мороз тут, за зоной, при ветре крепко кусал даже уже ко всему привыкшее лицо Шухова. Догадавшись, что зостер будет дуть всё время по дороге в морду, Шухов решил надеть тряпочку. У него, как и у многих других, на случай встречного ветра была тряпочка с двумя завязочками. Увидели эски, что такая тряпочка помогает. Шухов закрыл лицо по самым глазам, под ушами завязочки провёл, сзади завязал. Потом затылок отворотом шапки закрыл и поднял воротник бушлата. Кроме того, он еще спустил на лоб передний отворот шапки. И так у него спереди - только глаза остались. Бушлат он хорошо затянул по поясу верёвкой. Всё теперь хорошо, только - рукавицы дырявые, и руки уже замерзают. Он хлопал ими и тёр их зная, что сейчас придётся их взять за спину и так держать всю дорогу.

Начальник караула прочёл ежедневную, надоевшую всем, арестантскую "молитву":

"Внимание, заключённые ! Соблюдать строгий порядок колонны ! Не растягиваться, не набегать, из пятёрки в пятёрку не переходить, не разговаривать, по сторонам не смотреть, руки держать только назад ! Шаг вправо, шаг влево - считается побегом, конвой открывает огонь без всякого предупреждения ! Шагом - марш !"

И пошли передних два конвоира по дороге. Пошла колонна, а через каждые десять шагов сбоку, справа и слева от колонны - пошёл конвой, держа автоматы наготове.

Снега не было уже с неделю, дорога чистая. Обошли лагерь,

начал ветер дуть сбоку в лицо. Держа руки сзади, опустив головы, пошла колонна, как на похороны. И видишь ты только ноги у передних двух-трёх, да еще кусочек земли, куда надо своими ногами ступить. От времени до времени какой-нибудь конвоир кричит: "Ю-48 ! Руки назад !", "Б-502, подтянуться !" А потом - и они стали реже кричать: ветер режет, смотреть мешает. Им-то тряпочками закрываться не полагается. Тоже служба неважная.

В колонне, когда потеплее, все разговаривают. Кричи не кричи на них ! А сегодня согнулись все, каждый за спиной другого прячется, каждый свою думу думает.

Дума арестантская - и та несвободная, всё к тому же самому возвращается: не найдут ли хлеб в матрасе ? Освободят ли вечером в санчасти ? Посадят капитана или не посадят ? И каким образом Цезарь раздобыл тёплое бельё ? Наверное, кого-нибудь на складе "подмазал" ?

Из-за того, что без хлеба завтракал и что всё холодное ел - чувствовал себя Шухов сегодня не сытым. И чтобы живот есть не просил, перестал он думать о лагере, стал думать как он скоро будет домой письмо писать.

Колонна прошла мимо квартала, где живут вольные (строили тоже эски, а живут вольные), мимо нового клуба (тоже эски, от фундамента до стенной росписи, а кино - вольные смотрят) и вышла колонна в степь, прямо против ветра и краснеющего восхода. Голый белый снег лежал направо и налево, и деревца во всей степи не было ни одного.

Начался новый год, пятьдесят первый, и имел в нём Шухов право на два письма. Последнее послал он в июле, а ответ на него получил в октябре. В Усть-Ижме - там другой порядок был, пиши - сколько хочешь, хоть каждый месяц. А что в письме напишешь ? И тогда Шухов не чаще писал, чем теперь.

Из дому Шухов ушёл 23 июня 1941 года. В воскресенье народ пришёл от обедни из Поломни и говорит: война ! В Поломне узнала почта, а в Темгене не у кого до войны радио не было. Сейчас-то, пишут, в каждой избе радио кричит, проводное.

Писать теперь - всё равно, что камешки в речную глубину бросать. Что упало - то пропало, тому отзыва нет. Не напишешь в какой бригаде работаешь, какой у тебя бригадир Андрей Прокофьевич Тюрин. Сейчас ведь с латышом Кильгасом больше общего, больше о чём говорить, чем с домашними.

Да и они - два раза в год напишут, и жизни их не поймёшь. Новый председатель колхоза - так ведь он каждый год новый ! Увеличили колхоз - так его и раньше увеличивали, а потом - опять уменьшали. Ну, еще - кто нормы трудодней не выполняет - тем огорода урезали, а кому - и под самый дом подвели.

Чего никак Шухов не мог понять - это пишет жена, что с войны с самой ни один человек в колхозе не прибавился: все парни и девки, кто как может, - уходят или в город все на завод или на торфоразработки. Половина мужиков с войны не вернулась, а те, что вернулись - колхоза не признают: живут дома, работают на стороне. Мужиков в колхозе всего: бригадир Захар Васильевич да плотник Тихон, восьмидесяти четырёх лет, женился недавно, и дети уже есть. Тянут же колхоз те бабы, которые остались с тридцатого года.

Вот это Шухову никак не понятно: живут дома, а работают на стороне. Видел Шухов жизнь колхозную, видел жизнь единоличную, но чтобы мужики в своей же деревне не работали - этого он принять не может. А как же с сенокосом?

Пишет жена - ни плотниками не работают, чем их край раньше славился, ни корзины не вяжут, никому это теперь не нужно. А ремесло есть теперь одно новое, весёлое - ковры красить. Привёз кто-то с войны трафаретки, и с тех пор пошло, и всё больше и больше таких мастеров набирается: нигде они не работают, месяц один помогают колхозу, как раз во время сенокоса, а за это колхоз ему справку даёт, что колхозник такой-то отпущен, мол, по своим делам и ничего колхозу не должен. И ездят они по всей стране, и даже на самолётах летают, потому что время своё берегут, а деньги получают тысячами и везде ковры красят; 50 рублей ковер на любой простыне какой-нибудь старой, какую ему дадут, какую не жалко - а рисовать тот ковер, будто бы, час один, не больше. И очень жена надеется, что вернётся Иван и тоже таким же станет. И поднимутся они тогда из нищеты, в которой она бьётся, детей в техникум отдадут, и вместо старой избы гнилой - новую поставят. Все эти мастера себе новые избы поставили, а около железной дороги дома теперь стали не пять тысяч, как раньше, стоить, а двадцать пять.

Просил он тогда жену описать - как же он будет красить, если никогда не умел рисовать? И что это за ковры такие дивные, что на них? Жена отвечала, что рисовать их только дурак не может: наложи трафаретку и мажь кистью через дырочки. А ковры есть трёх сортов: один ковер - "Тройка" - красивая тройка везёт офицера гусарского, второй ковер - "Олень", а третий - под персидский. И никаких больше рисунков нет, но и за эти рисунки люди по всей стране спасибо говорят и из рук хватают. Потому что настоящий ковер не пятьдесят рублей, а тысячи стоит.

Эх, хоть бы одним глазом посмотреть Шухову на те ковры !..

Живя по лагерям да по тюрьмам, уже отвык Иван Денисович раскладывать - что завтра, что через год, да чем семью кормить. Обо всём за него начальство думает, это, как будто,

и легче. И сидеть ему еще зиму-лето и еще зиму-лето. А разволновали его эти ковры...

Заработок, видно, лёгкий, огневой. И от своих, деревенских, отставать, как будто, обидно... Но, откровенно говоря, не хотел бы Иван Денисович за те ковры браться. Для них - развязность нужна, нахальство, Шухов же - сорок лет уже по земле ходит, уже зубов нет половины и на голове лысина, а никогда никому не давал, ни с кого ничего не брал, и в лагере этому не научился.

Лёгкие деньги - они и не весят ничего, и чувства тако-го нет, что вот - ты заработал. Правильно старики говорили: за что не доплатишь - того не доносишь. Руки у Шухова еще хорошие, неужели же он себе на свободе работы не найдёт, столярной или по жести ?!..

Вот только из-за лишения прав не примут никуда, и домой не пустят, ну, тогда - можно хоть и за ковры браться.

Колонна тем временем дошла и остановилась перед вахтой широко раскинутой зоны "объекта". Еще раньше, с угла зоны, два конвоира в тулупах отделились и пошли по полю к своим вышкам. Пока всех вышек конвой не займёт - внутрь не пустят. Начальник караула с автоматом за плечом пошёл на вахту. А из вахты, из трубы - дым, не переставая, идёт: там всю ночь вольный вахтёр сидит, чтобы доски не увезли или цемент.

Встало большое красное солнце, как в тумане. Рядом с Шуховым Алёшка смотрит на солнце и радуется, улыбка на губы сошла. Щёки впалые, сидит на пайке, нигде не подрабатывает, чему же он радуется ? По воскресеньям всё с другими баптистами шепчется. Лагеря для них - как с гуся вода.

Дорожный намордник - тряпочка - за дорогу вся от дыхания намокла, кое-где её морозом захватило, стала ледяной коркой. Сдвинул её Шухов с лица на шею и стал к ветру спиной. Нигде его особенно ветром не продрало, только руки замёрзли в дырявых рукавицах и на левой ноге онемели пальцы: левый-то валенок - плохой, во второй раз уже зашивал.

Всю спину ломает и тянет - ну, как тут работать ?

Оглянулся и на бригадира лицом попал, тот шёл в задней пятёрке. Бригадир - широкоплечий, и лицо у него широкое. Хмурый стоит. Улыбки от него - не дождёшься, а кормит - ничего, заботливый. Сидит он уже второй срок, сын ГУЛАГ-а, лагерные обычаи знает наизусть.

Бригадир в лагере - это всё: хороший бригадир вторую жизнь тебе даст, а плохой - в деревянный бушлат вгонит. Тюрина Шухов знал еще по Усть-Ижме, только там он у него в бригаде не был. А когда оттуда перевели сюда 58-ую статью, тут, в каторжном, Тюрин его к себе взял. С начальником лагеря, с ППЧ, с прорабами, с инженерами, - Шухов дела не имеет, везде его бригадир защитит, грудь у него стальная. Но зато,

если только бровью поведёт или пальцем покажет - беги и делай ! Кого хочешь в лагере обманывай, только Тюрина не обманывай. И тогда - будешь жив.

И хочется Шухову спросить бригадира, там же ли работать, где и вчера, на другое ли место переходить, а страшно перебивать его высокую думу. Только что сбросил с плечей Соцгородок, теперь, может быть, обдумывает "процентовку", - от неё следующих пять дней питания зависят. Стоит бригадир против ветра, кожа на лице - как дубовая !

Хлопают руками в колонне, холодно... Злой ветер ! Уже, кажется, на всех шести вышках "попки" сидят, а всё еще не пускают в зону. Бдительность !

Ну-у ! Вышли начкар с контролёром из вахты, по обе стороны ворот стали, ворота открыли.

"По пятёркам ! Первая ! Вторая ! Третья !"

Зашагали арестанты, как на парад, почти строевым шагом. Только бы в зону прорваться, а там - не учи, что надо делать.

За вахтой - будка конторы, около неё прораб, бригадиров к себе зовёт. И Дэр туда, десятник из эзков, сволочь порядочная, своего же брата-эзка хуже собак гоняет.

Восемь часов... пять минут девятого (только что энергопоезд прогудел), начальство боится, чтобы эзки время не потеряли, не разошлись бы по тёплым помещениям, - а у эзков день - большой, времени на всё хватит. Как только в зону войдёшь - наклоняешься: тут шепка, там шепка, всё для нашей печки огонь.

Тюрин приказал Павлу, помощнику, идти с ним в контору. Туда же и Цезарь свернул. Цезарь богатый, два раза в месяц - посылки, всем даёт, кому надо, - и работает "придурком" в конторе, помощником нормировщика.

А остальная 104-ая - сразу в сторону и - бегом !

Солнце взошло красное над пустой зоной: там сборные дома снегом занесены, там - начатая каменная стенка, там - канав понарято, траншей, ям много, авторемонтные мастерские строятся, и - попрятались все ! Только шесть часовых стоят на вышках, да около конторы люди столпились. Вот это-то и есть - наш миг ! Старший прораб сколько раз угрожал, говорят, с вечера давать наряды, но - никак у них не налаживается. Потому что с вечера до утра у них всё наоборот поворачивается.

А миг - наш ! Пока начальство разберётся - найди место, где потеплее, сядь, сиди, еще успеешь наломать спину. Хорошо, если - у печки, тогда можно портянки переобернуть и согреть их немного. Тогда весь день ноги будут тёплыми. Но и без печки - всё равно хорошо.

104-ая бригада вошла в большой зал в авторемонтных

мастерских, где с осени уже вставлены стёкла и 33-ая бригада льёт бетонные плиты. Одни плиты в формах лежат, другие стоят, а там - арматура сетками. До потолка - высоко, пол - земляной, тепло тут, конечно, не будет, а всё же этот зал отбливают, угля не жалеют; не для того, конечно, чтобы люди грелись, а чтобы плиты лучше схватывались. Даже градусник висит, и в воскресенье, когда лагерь почему-либо на работу не выйдет, вольный тоже топит.

28-ая, конечно, чужих никого к печке не подпускает, сама заняла места, портянки сушит. Ну, что ж, ладно, мы и тут, в уголку, ничего!

Задом ватных брюк, везде уже пересидевших, Шухов устроился на край деревянной формы, а спиной - упёрся в стену. И когда он отклонился - натянулись его бушлат и фуфайка, и левой стороной груди, он почувствовал у сердца что-то твёрдое. Это твёрдое - был угол хлебной краюшки, той половины утреннего хлеба, которую он взял с собой на обед. Он всегда брал с собой столько на работу и до обеда никогда этого не трогал. Но другую половину он съедал за завтраком, а сегодня не ел. И понял Шухов, что ничего не сэкономил: захотелось ему сейчас съесть этот кусок хлеба в тепле. До обеда - пять часов, далеко.

А то, что раньше его ломало в спине - теперь в ноги перешло, ноги такие слабые стали. Эх, если бы к печечке!

Шухов положил на колени рукавицы, расстегнулся, развязал с шеи свой дорожный намордник обледеневший, сломал его несколько раз и спрятал в карман. Тогда достал хлебушек в белой тряпочке, и, держа тряпочку так, чтобы ни одна крошка не упала мимо той тряпочки, начал мало-помалу откусывать и жевать. Хлеб он пронёс под двумя одеждами, грел его собственным теплом, и поэтому он не был замёрзшим ничуть.

В лагерях Шухов не раз вспоминал, как в деревне раньше ели: картошку - целыми сковородками, кашу - кастрюлями, а еще раньше мясо - здоровыми кусками. И молоко пили - пусть живот лопнет. И только в лагерях Шухов понял, что не надо было так. Есть надо так, чтобы дума была на одной еде, вот как сейчас - ломаешь эти маленькие кусочки, откусываешь и мнёшь их языком, и щеками помогаешь - и такой тебе душистый этот чёрный сжёрой хлеб! Чем Шухов питается восемь лет, девятый? Ничем. А работает? Ого-го!

Так Шухов был занят своими двумястами граммами, а около него в той же стороне сидела и вся 104-ая.

Два эстонца, как два родных брата, сидели на низкой бетонной плите и вместе, по очереди, курили половинку сигареты из одного мундштука. Эстонцы эти были оба белые, оба высокие, оба с длинными носами, с большими глазами. Они так держались друг друга, как будто одному без другого возду-

ха не хватало. Бригадир никогда их и не разлучал. И ели они всё пополам и спали вместе. И когда стояли в колонне, или на разводе ждали, когда ложились спать, - всё время между собой толковали, всегда негромко и неторопливо. А были они вовсе не братья и познакомились уже тут, в 104-ой. Один, говорили мне, был рыбак с побережья, другого же, когда Советы пришли, родители маленьким в Швецию увезли. А он вырос и назад - в Эстонию, институт кончат. Вот, говорят, нация ничего не означает, в каждой папи, говорят, плохие люди есть. А эстонцев сколько Шухов не видал - плохих людей ему не попадалось.

И все сидели - кто на плитах, кто на досках, кто на земле прямо. Говорить-то с утра - язык не разворачивается, каждый уставился в свои думы и молчит. Фетюков-шакал насосбирал где-то окурков (он их и из плевательницы вытянет!), теперь на коленях их разворачивал и ссипал неперегоревший табачок в одну бумажку. У Фетюкова на воле детей - трое, но как только сел - от него все отказались, а жена замуж вышла; так помощи ему и неоткуда.

Буйновский смотрел-смотрел на Фетюкова да и крикнул: "Ну, что заразу всякую собираешь? Губы тебе сифилисом обложит! Брось!"

Кавторанг - значит, капитан второго ранга - он привык командовать, он со всеми людьми так разговаривает, как будто командует.

Но Фетюков от Буйновского ни в чём не зависит - кавторангу посылки тоже не идут. И, недобро усмехнувшись полукрестым ртом, сказал:

"Подожди, кавторанг, вот восемь лет посидишь - еще и ты собирать будешь. И более гордые люди в лагерь приходили..."

Фетюков по себе судит, а кавторанг-то, может быть, и выдержит...

"Что, что?" нерасслышал глуховатый Сенька Клёвшин. Он думал - про то разговор идёт, как Буйновского сегодня на разводе поймали. "Не надо было начинать!" покачал он головой. - "Ничего бы и из было".

Сенька Клёвшин - он тихий. Ухо у него одно лопнуло, еще в сорок первом году. Потом в плен попал, бежал, ловили, посадили в Бухенвальд. В Бухенвальде чудом смерть обманул, теперь срок тихо доживает. Будешь спорить, говорит, - пропадёшь.

Это - верно, молчи да гнись. А начнёшь упираться - переломишься.

Алёша лицо в ладони опустил, молчит. Молитвы читает.

Доел Шухов свой хлеб до самых рук, однако кусочек голый корочки оставил. Потому что никакой ложкой так дочиста каши не выешь, как хлебом. Корочку эту он обратно в тряпоч-

ку завернул на обед, положил её в карман знутренний под фуфайкой, застегнулся от мороза и стал готов, пусть теперь на работу посылает. Но лучше было бы, если бы еще подождали.

38-ая бригада встала, разошлась: кто за водой, кто к арматуре.

Но ни Тюрин не шел к своей бригаде ни помощник его Павло. И хоть сидела 104-ая вряд ли минут 20, а день рабочий - зимний, укороченный, - был у них до шести, всем уже казалось это большим счастьем, как будто уж и до вечера недалеко.

"Эх, буранов дарно не было!" вздохнул краснолицый полный латыш Килгас. "За всю зиму - ни одного бурана! Что это за зима!"

"Да... буранов... буранов бы..." вздохнула бригада.

Когда в этой местности начинает дуть буран, так не только на работу не ведут, а из барака вынести бояться: от барака до столовой, если верёвку не протянешь, - то и заблудишься. Если замёрзнет арестант в снегу - так чёрт с ним! А если убежит, тогда что? Были такие случаи. Когда буран - снег мелкий-мелкий, а в сугроб ложится - как будто его кто-нибудь прессует. Вот по такому сугробу, который лежит уже над проволокой, и уходили. Правда, не далеко.

От бурана, если правильно рассудить, - пользы никакой: сидят эски под замком; уголь - не вовремя, тепло из барака вдувает; если муки в лагерь не подвезут - хлеба нет; а там, смотришь, - и на кухне не успевают. И сколько бы буран ни дул - три ли дня, неделю ли, - эти дни тебе зачитываются, как выходные и столько раз подряд в воскресенье на работу выгонят.

Но всё равно - любят эски буран и вымалывают его. Чуть ветер крепче начнёт дуть - все на небо смотрят: снежку бы! Снежку-бы!

Уже кто-то полез греться к печке 38-ой бригады, его оттуда выгнали.

Тут в зал вошел и Тюрин. Мрачен он был. Поняли бригадники: что-то надо делать и быстро.

"Та-а-ак..." оглядел всех Тюрин. "Все здесь, сто четвертая?" И не проверяя и не пересчитывая, потому что никто у Тюрина никуда уйти не мог, он стал быстро раздавать наряды. Двоих эстонцев и Клёвшина с Гопчиком послал принести на место работы большой растворный ящик, недалеко отсюда. Уже из этого стало ясно, что бригада переходит на недостроенную и брошенную прошлой осенью ТЭЦ. Еще двоих послал в инструменталку. Там Павло инструмент получал. Четверых нарядили чистить снег около ТЭЦ и у входа в машинный зал и в самом машинном зале. Еще двоим приказал в зале топить печь углём и досок украть и наколоть. А одному - цемент туда на сан-

как возить. Двоим - воду носить, а двоим песок, и еще одному - песок тот очищать и разбивать.

После всего этого остались без наряда только Шухов и Кильгас, перешли в бригаде мастера. Отозвав их в сторону, бригадир сказал: "Вот что, ребята! С обеда будете на втором этаже стены класть, там, где осенью шестая бригада оставила. А сейчас - надо согреть машинный зал. Там три больших окна, их в первую очередь надо чем-нибудь забить. Я вам еще людей в помощь дам, только думайте - чем забить. Не согреемся - замёрзнем, как собаки, понятно?"

Может быть, еще что-нибудь сказал бы, но прибежал за ним Гопчик, парень лет шестнадцати, розовый, как поросёнок, с жалобой, что растворного ящика им другая бригада не даёт, дерутся. Ну, Тюрин и убежал туда.

Как ни тяжело было начинать рабочий день в такой мороз, но это - только начало, и важно было переступить его, только его. Шухов и Кильгас посмотрели друг на друга. Они не раз уже работали вдвоём и уважали друг в друге и плотника и каменщика. Нелегко было на голом снегу найти что-нибудь чем можно было бы окна забить. Но Кильгас сказал: "Ваня! Там, где дома сборные - знаю я одно местечко - лежит здоровый рулон толя. Я же его сам и прикрыл. Пойдём, а?"

Кильгас, хотя и латыш, но русский знает, как свой родной; у них там рядом деревня была русская, с детства и вбучился. А в лагерях Кильгас только два года, но уже всё понимает: не вбкусишь - не вбпросишь. Зовут Кильгаса Иоганном, но Шухов зовёт его Ваней.

Решили идти за толем. Только сначала Шухов сбегал в строящееся тут же здание авторемонтных мастерских взять свой мастерок. Мастерок - большое дело для каменщика, если он лёгок и по руке. Однако, на каждой работе такой порядок: получили весь инструмент утром, а вечером сдали. А какой инструмент завтра получишь - это уже вопрос удачи. Но Шухов однажды обсчитал инструментальщика и "захал" лучший мастерок. И теперь каждый вечер его перепрятывает, а каждое утро, если кладка камня будет, - берёт. Конечно, если погнажи сегодня 10¹-ую на Соцгородок - опять был бы Шухов без мастерка. А сейчас - камень отвалил, руку туда сунул и вктянул.

Шухов и Кильгас вышли из авторемонтных мастерских и пошли в сторону сборных домов. Густой пар шёл от их дыхания. Солнце уже поднялось, но было без лучей, как в тумане, а по бокам солнца вставляли столбы.

"Не столбы ли?" кивнул Шухов Кильгасу.

"А столбы нам не мешают", ответил Кильгас и засмеялся.

"Лишь бы от столба до столба колючую проволоку не натянули, вот что главное". Кильгас без шутки слова не знает. За это его вся бригада любит. А уж латыши со всего лагеря как его уважают! Ну, правда, питается Кильгас нормально, две порции каждый месяц, румяный - как будто, и не в лагере вовсе. Есть от чего шутить.

Зона их работы - здоровая, пока её всю пройдёшь. По дороге встретили ребятшек из 82-ой бригады, их опять заставили ямки копать. Ямки нужны небольшие: 50 х 50 и глубины 50, а земля эта и летом даже, как камень, а сейчас, в мороз - попробуй-ка, укуси! Бьёшь её киркой - кирка скользит, только искры летят. Стоят ребята, каждый над своей ямкой, посмотрят вокруг - греться им негде, отойти - нельзя, ну, и давай опять за кирку! От неё ведь всё тепло.

Увидел среди них Шухов одного знакомого, из Вятки, и посоветовал: "Вы бы, землерубы, над каждой ямкой костёр разожгли - она бы и оттаяла, земля-то..." - "Не приказывают", вздохнул тот. - "Дров не дают" - "Найти надо!" А Кильгас только плюнул: "Ну, скажи, Ваня, если бы начальство умное было, разве поставило бы людей в такой мороз кирками землю разбивать?"

Кильгас еще вбургался неразборчиво несколько раз и замолк - на морозе не разговоришься. Шли они дальше и дальше и подошли к тому самому месту, где под снегом погребены были щиты сборных домов. С Кильгасом Шухов любит работать, у него только одно плохо - не курит, и табаку в его посылаках не бывает. И правда - острый глаз у Кильгаса, приподняли вдвоём одну доску, другую - а под ними рулон толя спрятан.

Вынули. Теперь вопрос: как нести? С вышки заметят - это ничего: у "попок" одна только забота, чтобы зэки не разбежались, а там, внутри рабочей зоны хоть всё на щепки поруби - им всё равно. И если лагерный надзиратель навстречу попадётся - тоже ничего, потому что он и сам смотрит - где бы найти то, что могло бы ему для хозяйства пригодиться. И рабочим на все эти сборные дома - наплевать! И бригадникам - тоже. Заботится о них только всльный прораб и десятник из зэков, да еще Шкуропатенко длинный. Шкуропатенко - никто... так, просто зэк. Выписывают ему наряд только, чтобы он сборные дома караулил, не давал разбирать. Вот этот-то Шкуропатенко их скорее всего в открытом поле может поймать.

"Вот что, Ваня... так его нести нельзя просто, как доску", придумал Шухов. - "Давай мы его в стоячем положении возьмём и пойдём потихоньку, собой прикрывая; издали, может быть, и не разберёт".

Хорошо Шухов придумал. Сжали рулон между собой, как третьего человека и пошли. А со стороны видно только, что

два человека близко друг к другу идут.

"А потом на окнах прораб увидит эту толь - всё равно догадается", сказал Шухов. "А мы - причём?" удивился Кильгас. "Пришли мы на ТЭЦ, а там УЖЕ БЫЛО ТАК". А в общем, и это верно.

Ну, пальцы в рваных рукавицах замёрзли, их прямо и не чувствуешь. А валенок левый - ничего, держит. Валенки - это главное. А руки - они во время работы разойдутся.

Прошли снежным полем, вышли на дорогу от инструменталки к ТЭЦ. Виден след, - должно быть, цемент вперёд провезли.

ТЭЦ стоит на холме, а за ним зона кончается. На ТЭЦ уже давно никто не бывал, все подступы к ней снегом покрыты. И тем яснее на снегу свежие глубокие следы наши прошли. И вот уже деревянными лопатами прочищают около ТЭЦ и дорогу для машины.

Эх, если бы на ТЭЦ подъёмный кран был в порядке! Работать было бы легче! Но там перегорел мотор, и с тех пор не чинили. Значит, опять на второй этаж всё - на себе, на спине носить. И раствор и шлакоблоки.

Стояла ТЭЦ два месяца в снегу, как серый скелет, всеми покинутая. И вот пришла 10ц-ая... а в чём её душа держится? Животы пустыне брезентовыми поясами затянуты, мороз сильный, нет ни обогревалки, ни искорки огня, ничего! А всё таки пришла 10ц-ая, и опять жизнь начинается.

У самого входа в машинный зал стоит растворный ящик, совсем развалился. Старый он был, этот ящик. Шухов и не думал, что его донесут целым. Ну, бригадир, конечно, ругался, но это - больше для порядку; сам понимает, что никто не виноват. А в это время подходят Шухов с Кильгасом, толь несут. Обрадовался бригадир и сейчас же перестановку начал: Шухову - трубу пристраивать к печке, чтобы поскорее затопить; Кильгасу - ящик чинить (и два эстонца ему в помощь), а Сеньке Клёвшину - на топор и планок длинных наделай, чтобы на них толь набивать: толь-то ведь уже окна в два раза. А откуда планок взять? Чтобы обогревалку сделать - на это прораб. досок не выпишет, не даст. Посмотрел вокруг бригадир, и все посмотрели... что же, выход один - отбить пару досок, которые вместо перил к трапам на второй этаж прибиты. Когда ходить будем - внимательнее, не зевай, тогда и не упадёшь. А что же еще можно сделать?

Для чего, кажется, эзку десять лет в лагере работать, не разгибая спины? Не хочу, мол, да и только. Ну, день до вечера отработал, а ночь - твоя.

Ча не выйдет. На это придумана - бригада. Не просто бригада, как на свободе, где Ивану Ивановичу отдельно зарплата и Петру Петровичу отдельно зарплата. Нет, в лагере бригада - это такое устройство, когда не начальство эзков по-

нукает работать, а сами эски друг друга. Тут так: или всем дополнительное довольствие, или все - подыхайте! Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду? Нет, работай как следует, пацаль!

А еще подойдёт вот такой момент, как сейчас, - так тем более не отдохнёшь. Хочешь, не хочешь, а скачи, прыгай, поворачивайся! Если через два часа не сделаем себе обогревалки - все к чёртовой матери пропадём.

Павлб инструмент принёс - разбирай только. И труб несколько. Для металла, правда, инструмента нет, но есть молоток и топор. Как-нибудь...

Похлопает Шухов рукавицами друг о друга и составляет трубы. Потом опять похлопает, и снова за дело. А мастерок недалеко спрятал - хотя в бригаде и свои люди, но подменить могут. Хотя бы и тот же Кильгас.

И - как будто вымело все мысли из головы. Ни о чём теперь Шухов не беспокоился, не волновался, ничего не вспоминал, только думал - как ему трубы составить так, чтобы не дымило. Гопчика - послал проволоку искать, чтобы на ней трубу подвесить у окна при выходе.

А в углу есть еще низкая печь. У неё сверху - железная плита, на ней - песок оттаивает и сохнет. Ту печь уже растопили, и на неё кавторанг с фетюковым носят песок на носилках. Носилки носить - тут ума много не надо. Поэтому и ставит бригадир на эту работу бывших начальников. Фетюков, говорят, в какой-то конторе большим начальником был. На машине ездил.

В первые-то дни фетюков даже и на кавторанга хвост поднимал, кричал. Но кавторанг заехал ему раза два в зубы, на том и согласились.

К печке с песком уже ребята подошли греться, но бригадир предупредил: "Эх, сейчас, кажется, кого-то пб лбу огрею! Сперва оборудуйте!"

Битой собаке - только плётку покажи. И мороз злой, но бригадир - злее. И опять разошлись ребята по работам. И слышит Шухов, как бригадир тихо говорит Павлу: "Ты тут оставайся, крепко держи. А мне - сейчас процентёвку закрывать надо идти".

От процентёвки - больше зависит, чем от самой работы. Если бригадир умный - он на процентёвку нажимает. Если что-нибудь не сделано - докажи, что сделано. За что платят дешево - ты так поверни, чтобы дорого вышло. На это у бригадира большой ум нужен. И, конечно, - блат с нормировщиками. Нормировщикам-то ведь тоже НЕСТИ НАДО.

А если попробовать рассудить - для кого все эти проценты нужны? Для лагеря. Благодаря этому - лагерь лишние тысячи со строительства получает и своим лейтенантам выписыв-

вает премии. Тому же, например, Волковому за его плётку. А тебе - лишних 200 грамм в вечер. Двести граммов управляют жизнью.

Принесли два ведра воды, а по дороге она льдом покрылась. И решил Павло - зачем её тогда носить, мы и здесь воду из снега наберём. Поставили ведра на печку.

Гопчик принёс новую алюминиевую проволоку - такую, какую электрики тянут для проводов. Докладывает: "Иван Денисович, на ложки хорошая проволока... научите меня ложки делать!"

Любит Иван Денисович этого плутя Гопчика (собственный сын умер еще маленьким, дома - две взрослых дочки). Посадили Гопчика за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали - как взрослому. Он - как телёнок ласковый, ко всем ластится. Но и хитрый - посылки свои в одиночку ест, иногда по ночам жуёт. Эх, да ведь всех не накормишь!

Отломали проволоки на ложки, спрятали в углу. Сбил Шухов две доски, послал на них Гопчика трубу подвесить. Гопчик ловкий, как белка, лёгкий, - влез наверх, вбил гвоздь, набросил проволоку и под трубу подпустил. Шухов не поленился - длинную трубу придумал. Сегодня - ветру нет, а завтра будет, так чтобы дыма меньше было. Ведь это же надо понимать - печка-то - для себя.

А Сенька Клёвшин уже и планок длинных наколот. Опять заставили Гопчика лезть и прибавать. Лезет чертёнок, кричит сверху.

Солнце выше пошло, разогнало туман, и столбов уже нет. Тут и печку затопили краденными дровами. Насколько радостнее жить!

Кильгас кончил растворный ящик чинить, стукнул еще раз топором, закричал: "Слышишь, Павло, за такую работу с бригады меньше ста рублей не возьму!" - Смеется Павло: "Сто грамм получишь!" А сверху Гопчик кричит: "Прокурор добавит!"

"Эй, не трогайте, не трогайте!" закричал Шухов (не так толь начали резать). Показал - как.

К печке народу собралось, разогнал их Павло. Приказал Кильгасу помощь дать и корыта делать - раствор наверх носить. На песок еще двух поставил. Наверх послал чистить от снега доски, и еще одного внутри - тёплый песок с плиты в растворный ящик бросать.

А снаружи - зашумел мотор - начали шлакоблоки возить. Выбежал Павло руками махать, показывать - куда надо шлакоблоки сбрасывать.

Наложили одну полосу толя, вторую. От толя - какое укрытие? Ведь бумага - бумага и есть. А всё таки что-то вроде сплошной стены стало. И темнее внутри. А от этого огонь печки ярче.

Алёшка угля принёс. Одни кричат ему: "Сыпь !" другие: "Не сыпь ! Хотя немного при дровах погреемся..." Остановился, не знает - кого слушать.

Фетюков к печке подошёл и свои валенки, дурак, к самому огню. Кавторанг его за шиворот поднял и к носилкам толкает: "Иди песок носить, пададь !"

Кавторанг, он и на лагерную работу смотрит, как на морскую службу: если сказано - делать, значит - делай ! Похудел кавторанг за последний месяц, но тянет упряжку.

Долго ли, коротко ли, но все три окна толем закрыли. Свет теперь только от дверей. И холод - оттуда же. Приказал Павло верхнюю часть дверей забить досками, а нижнюю оставить так, чтобы человек мог войти, пригнувшись головой. Забили.

Тем временем три самосвала привезли шлакоблоки и сбросили. Теперь задача - как их поднять без крана ?

"Каменщики ! Пойдём-ка, посмотрим !" пригласил Павло.

Это - дело почётное. Поднялись Шухов и Кильгас с Павлом наверх. Трап - и без этого был узкий, а теперь еще Сенька перила снял, - иди вдоль стены, чтобы вниз не упасть. И вот еще что плохо - снег примёрз к ступенькам трапа, сделал их круглыми - как раствор носить будут ?

Посмотрели где надо стены ставить, там уже лопатами снег убирают. А со старого, что уже поставлено, - надо будет лёд топором сколоть.

Расчитали - откуда шлакоблоки подавать. Вниз посмотрели. И решили: вместо того, чтобы носить по трапу - бросать шлакоблоки вон туда, на доски, а тут - еще двоих поставить перебрасывать дальше, а по второму этажу - еще двоих, и так быстрее пойдёт.

Наверху ветер, правда, не сильный, но тянет. Когда начнём работать - продует, а потом можно будет прятаться за начатую стенку, всё же немного теплее.

Поднял Шухов голову на небо и ахнул: небо - чистое, а солнышко почти к обеду поднялось. Вот странно: время-то как за работой идёт ! Сколько раз Шухов замечал: в лагере дни бегут так, что не успеешь оглянуться. Зато срок твой - совсем не идёт, не уменьшается вобще.

Спустились вниз, а там уже все к печке уселись, только кавторанг с Фетюковым песок носят. Рассердился Павло, восемь человек сразу выгнал на шлакоблоки, двум приказал в ящик цемент насыпать и с песком всухую размешивать, того - за водой, того - за углём. А Кильгас своей команде: "Ну, ребята, надо носилки кончать".

"И я им помогу, что ли ?" - Шухов сам у Павла работы просит. "Помоги !" кивает Павло.

Тут бак принесли, чтобы снег растапливать для раствора. От кого-то слыхали, что уже двенадцать часов.

"Не иначе, как двенадцать", объявил Шухов. - "Солнышко уже высоко... на перевале". "Если на перевале", сказал кавторанг "значит - не двенадцать, а час". - "Это почему же?" изумился Шухов. - "Всем дедам известно - выше всего солнце в обед стоит".

"То - дедам!" отрубил кавторанг. "А с тех пор декрет был, и солнце выше всего в час стоит".

"Чей же это - декрет?" - "Советской власти".

Видел кавторанг с носилками, но Шухов бы и не стал спорить. Неужели и солнце их декретам подчиняется?..

Постучали еще, побили, четыре корыта сделали.

"Ладно, теперь посидим, погреемся", сказал двоим каменщикам Павло. "И вы, Сенька, после обеда тоже будете кладкой заниматься". И сели к печке, законно. Всё равно до обеда уже класть стенку не будут, а раствор разводить - не имеет смысла, замёрзнет.

Уголь понемногу стал красным, теперь уже хороший жар дает. Только сто около печки и чувствуешь, а по всему залу - холод, как и раньше. Сняли рукавицы, все четверо руками двигают около печки. А ноги близко к печке никогда в обуви не ставь, это понимать надо. Если ботинки - так кожа у них лопнет, а если валенки - сырими станут, пар пойдёт, а тебе от этого ничуть не теплее. А еще ближе к огню подвинешься - сожжёшь. Так с дрыкой до весны и проходишь. Это понимать надо.

"Да Шухову - что беспокоиться?" смеётся Кильгас. "Шухов одной ногой, братцы, почти дома".

"Да вот тот, босой..." кто-то бросил кому-то, рассмеялись. Шухов левой сторевший валенок снял и портилку согревает.

"Шухов срок кончает..."

Самому-то Кильгасу 25 дали. Это полоса такая раньше счастливая была - всем по десяти давали. А с сорок девятого года такая полоса пошла - всем по 25, без различия. Десять то еще можно прожить, не сложгив, - а ну, 25 проживи!

Шухову и приятно, что все на него пальцами показывают, вот, мол, он срок уже кончает, но сам-то он в это не особенно верит. Вон у кого срок в войну кончался, всех до особого распоряжения держали, до сорок шестого года. У кого и основного-то сроку три года было, так пять лет получилось. Закон - его повернуть можно. Кончится десятка, скажут - вот тебе еще одну. Или в ссылку.

А иногда подумаешь и дыхание захватывает: срок-то ведь всё же кончается... Господи! Своими ногами - да на волю, а?

Только вслух об этом старому лагернику говорить неудобно. И Шухов Кильгасу: "Ты свои 25 не считай. Сидеть ли 25, не сидеть ли - еще неизвестно. А я уж отсидел 8 полных, так это - точно".

Так вот живёшь-живёшь, и времени не бывает подумать: как сел? И как выйдешь?

По делу считается, что Шухов за измену родине сел. И показания он дал, что, действительно, да, сдался он в плен, желая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. А какое задание - ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили: выполнял задание.

Расчёт у Шухова был простой: не подпишешь - бушлат деревянный, подпишешь - хоть поживёшь еще малость. Ну, и подписал.

А дело было вот как: в феврале сорок второго года окружили их всю армию, и с самолётов им жрать ничего не бросали, да и самолётов этих не было. Дошли до того, что резали копыта с трупов лошадей, мочили это в воде и ели. И стрелять было нечем. И вот так их немцы в лесах мало-помалу ловили и брали. И вот в группе одной Шухов побыл в плену пару дней, там же в лесах, и убежали они впятером. И - опять по лесам, по болотам скрывались, чудом к своим попали. Только двоих автоматчик на месте уложил, третий от ран умер, двое их и дошло. Если бы были умнее - сказали бы, что по лесам бродили, и ничего им не было бы. А они сознались: из плена, мол, немецкого. Из плена, мать вашу так!.. Если бы их было пять, может быть, сравнили бы показания, поверили бы, а двоим - никак: сговорились, мол, гады, насчёт побега.

Сенька Клёвшин, хоть и глухой, а услышал, что о побеге говорят и сказал громко: "Я из плена три раза бегал. И три раза ловили..."

Сенька - терпеливый, всё больше молчит. Людей не слышит и в разговор не вмешивается. Так про него и знают мало, только то, что он в Бухенвальде сидел и там в подпольной организации был, оружие в зону носил для восстания. И еще знают - как его немцы за руки подвешивали сзади спины и палками били.

"Ты, Ваня, восемь лет сидел в каких лагерях?" спрашивает Кильгас. - "Ты в бытовых сидел, вы там с бабами жили. Вы номеров не носили. А вот ты в каторжном восемь лет посиди, еще никто не тросидел".

"С бабами? С брёвнами, а не с бабами!"

Устрашился Шухов в огонь печки и вспомнились ему его семь лет на севере. Как он там на брёвнах работал. И вот такой же огонь костра - на лесоповале, только на ночном, не на дневном лесоповале. Закон был такой у начальника: бригада не выполнила дневного задания - остаётся на ночь в лесу. Только после полуночи к лагерю дойдут, а утром - опять в лес.

"Не-е-ет, братцы... здесь, пожалуй, поспокойнее", прогово-

рил он. "Тут - выполнил, и иди в зону. И гарантийка тут на сто граммов выше. Тут - жить можно. Особый лагерь... Ну, и пусть он особый, разве тебе мешают номера? Номера-то не вёсят..."

"Поспокойнее..." шипит фетюков. "Людей в постелях ржут... Поспокойнее!"

"Не людей, а стукачей!" поднял палец Павло, грозит фетюкову.

И правда - что-то новое в лагере началось. Двух известных стукачей прямо на койках зарезали, по сигналу "Подъём". И еще одного невинного зэка - очевидно, место спутали. А один стукач сам к начальству убежал в БУР, там его в каменной тюрьме и спрятали. Забавно... Такого, конечно, в бытовых лагерях не бывало. Да и здесь-то раньше не бывало.

Вдруг прогудел гудок с энергопоезда. Не сразу загудел, а сперва захрипел, как будто - горло прочищал.

Полдня - долой! Перерыв обеденный!

Эх, пропустили! Давно бы в столовую надо было идти, очередь занимать. На работе одиннадцать бригад, а в столовую больше двух не входит.

Бригадира всё еще нет. Павло осмотрел быстрым взглядом и решил так: "Шухов и Голчик - со мной! Кильгас! Как только Голчика за вами пришлю - ведите бригаду!"

Сейчас же их места у печки захватили, окружили печку, как бабу, - все обнимать лезут. "Кончай ночевать!" кричат ребята. "Закуривай!" И друг на друга смотрят - кто закурит. А закуривать - некому. Или табаку нет или зажимают, показать не хотят.

Вышли с Павлом наружу. "Потеплело", сразу определил Шухов. "Градусов 18, не больше. Хорошо будет работать". Обернулись - шлакоблоки посмотрели: уже ребята многие наверх бросали, а некоторые уже и на второй этаж. Солнце также Шухов проверил - насчёт кавторангова декрета! Снаружи, где ветру простор - всё же тянет, холодно. Не забывай, мол, помни: январь!

Производственная кухня - это небольшой барак, сколоченный из досок вокруг печи и еще покрытый жстью, чтобы щели закрыть. Внутри - перегородка делит барак на две части, на кухню и на столовую. И там и там - полов нет. От ног в земле - ямки и холмики. А кухня - это просто печь квадратная, и в ней - котёл.

Работают на кухне двое, повар и санинструктор. С утра, когда надо из лагеря выходить, повар получает на большой лагерьной кухне крупу. На каждого, наверно, грамм по 50, на бригаду - кило, а на объект получается немногим меньше пуда. Сам повар этот мешок нести три километра не будет, да-

ёт нести зэку. Чем самому спину ломать - лучше этому зэку выделить лишнюю порцию на счёт остальных. Воду принести, печку растопить - это повар тоже не делает сам, тоже разные зэки и "доходяги" - он и им по порции даёт, чужого не жалко. Ещё полагаются, чтобы ели, не выходя из столовой; миски приходится носить из лагеря (на месте работы оставить нельзя - вольные украдут), так носят их полсотни, не больше, а тут моют и передают друг другу (тому, кто носит миски - тоже лишняя порция). Чтобы мисок из столовой не выносили, ставят еще одного в дверях - не выпускать мисок. Но как он ни стережёт - всё равно уносят. Поэтому еще одного надо по месту работы посылать - миски собирать грязные и опять их на кухню нести. Ну, давай и тому порцию. И тому порцию.

А сам повар что делает - крупу да соль в котёл бросает, жиры делит - в котёл и себе (хороший жир до зэков не доходит, плохой жир весь в котле. Поэтому зэки больше любят, когда со склада отпускают плохие жиры); еще - мешает кашу, если успеет. А санинструктор и этого не делает: сидит и смотрит. Готова каша - сейчас же санинструктору: на, ешь, сколько хочешь. Тут дежурный бригадир приходит, меняется он каждый день, - пробу снимать, как будто проверять, можно ли такой кашей рабочих кормить. Дежурному бригадиру - двойную порцию.

Тут и гудок. Тогда приходят бригадиры по очереди, и повар выдаёт в окошко миски, а в тех мисках дно покрыто кашей, и сколько там твоей крупы - не спросишь, не взвесишь, попробуй только рот открыть!

Свистит над голой степью ветер - летом сухой, зимой морозный. Никогда в этой степи ничего не росло, а между четырьмя проволоками - и тем более. Хлеб растёт только в хлеборезке, а озёс на продскладе. И хоть ты спину на работе переломи, хоть животом ляг вниз - из земли больше еды не выбьешь, чем тебе начальник выпишет, больше - не получишь. Да и того даже не получишь из-за поваров, придурков и т.д. И здесь крадут, и в зоне крадут, а раньше того и на складе крадут. И все те, кто крадёт - сами киркой не работают. А ты - работай и бери, что дают. И скорее отходи от окошка.

Кто кого сможет - тот того и гложет.

Вошли Павло с Шуховым и Гопчиком в столовую - там народу много, прямо один к одному стоят, за спинами не видно ни столов ни скамеек. Кто сидя ест, кто стоя, больше - стоя. 82-ая бригада, которая ямки копала, - она-то первые места захватила. Теперь и поевши не уйдёт - где же им больше греться? Другие на неё ругаются, а ей - что по спине, что по стене - всё равно, всё же лучше, чем на морозе.

Пробились Павло и Шухов локтями. Хорошо пришли: од-

на бригада получает, да одна всего в очереди, тоже помбригадир у окошка стоят. У остальные, значит, за нами будут.

"Миски ! Миски !" кричит повар из окошка, и ему уже передают туда миски отсюда, и Шухов тоже собирает и передаёт - не из-за лишней каши, а чтобы побыстрее. Еще там сейчас эски за перегородкой миски моют - это тоже за кашу.

Начал получать тот помбригадир, что был перед Павлом. Павло крикнул через головы: "Гопчик !" - "Я !" от двери. Тонкий у него голос, как у козлёнка. "Зови бригаду !" - убежал.

Главное - каша сегодня хорошая, лучшая каша - овсянка. Не часто она бывает. Больше идёт магара по два раза в день. В овсянке между зёрнами - навар этот сытен, он-то и дорог.

Сколько раз Шухов с детства этого овса лошадям давал - никак не думал, что всей душой будет изнывать по горсточке этого овса !

Мисок, мисок ! - кричат из окошка.

Подходит очередь и 104-ой. Передний помбригадир в свою миску получил двойную, "бригадирскую" порцию, отошёл от окошка.

Тожe за счёт эсков идёт, и тожe никто не протестует. На каждого бригадира такую дайт, а он сам - хоть ешь, хоть помощнику отдавай. Тюрин - Павлу отдаёт.

У Шухова теперь работа вот какая: вклинился он за стол, двух доходяг выгнал, одного работягу по-хорошему попросил, очистил кусок стола мисок на двенадцать, если их тесно поставить, да на них еще шесть вторым этажом станут, да еще сверху две, а теперь надо от Павла миски принимать, его счёт повторять и смотреть, чтобы никто чужой миску со стола не украл. И чтобы никто локтем не толкнул, не перевернул. А тут же рядом - встант со скамейки, влезат, едят. Надо глазом границу держать и смотреть - чья миска? Своё едят или в нашу залезли ?

"Два...четыре...шесть..." считает повар за окошком. Он даёт сразу по две в руки. Так ему легче, по одной - сбиться можно.

"Два...четыре...шесть..." негромко повторяет Павло ему туда в окошко. И сразу передаёт по две миски Шухову, а Шухов на стол ставит. Шухов ничего вслух не повторяет, а считает - острее их. "Восемь...десять..." Почему это Гопчик бригаду не ведёт ? "Двенадцать...четырнадцать..." идёт счёт.

Да, мисок на кухне не хватает. Через голову и плечо Павла Шухову видно: две руки повара поставили две миски

в окошке и остановились, как будто раздумывая, держась за них. Это он, должно быть, повернулся и посудомоев ругает. А в это время ему в окошко еще кучу пустых мисок ставят. Он снял с нижних мисок руки, пустые миски назад посудомоем передаёт.

Шухов сейчас же бросил свою гору мисок за столом, перепрыгнул через скамейку, потянул обе миски и, как будто, для Павла, а не для повара - негромко повторил: "...четырнадцать!" - "Стой! Куда потянул?" закричал повар. "Наш, наш", подтвердил Павло. "Ваш-то - ваш, но не сбивай со счёту!" "Четырнадцать!" пожал плечами Павло. Сам-то он не стал бы лишние миски брать; ему, как помбригу, надо авторитет держать, ну, а тут - повторил вслед за Шуховым, в крайнем случае на него свалить можно.

"Я - четырнадцать - уже говорил!" кричит повар.

"Ну, так что же, что говорил?" отвечает Шухов. "А сам не дал, руками задержал! Иди, считай, не веришь? Вот они все здесь на столе!"

Шухов кричал повару, но в то же время уже заметил двух эстонцев, которые пробивались к нему и на ходу сунул им в руки две миски. И еще успел вернуться к столу, и еще успел заметить, что всё в порядке, на месте, соседи еще ничего не успели украсть, а могли - свободно!

В окошке показалась красная морда повара. "Где миски?" строго спросил он. "Ну, вот, пожалуйста!" кричал Шухов. "А ну-ка, отодвинься, ты!" толкнул он кого-то. "Вот - две!" Он высоко поднял две миски верхнего этажа. "И вот - три ряда по четыре, считай!"

"А бригада не пришла?" недоверчиво смотрел повар в том маленьком пространстве, которое давало ему окошко, для того и сделанное таким узким, чтобы к нему в кухню снаружи не подглядывали: сколько там в котле осталось.

"Нет, еще нет бригады", покачал головой Павло. "Так какого же чёрта вы миски принимаете, когда бригады нет?" рассердился повар. "Вон, вон бригада!" закричал Шухов. И все услышали крики кавторанга в дверях, как с капитанского мостика: "Почему столпились? Поели - и выходи! Дай другим место!" Повар поворчал еще, выпрямился и опять в окошке появились его руки. "Шестнадцать... восемнадцать..." И, налив последнюю, двойную: "Двадцать три! Все! Следующая!" Стали проходить бригадники, и Павло давал им миски через головы сидящих на второй стол.

На каждой скамейке село бы летом человек по пять, но так как сейчас все были одеты тепло - еле-еле по четыре умещалось, и то - ложками им было неудобно работать.

Расчитывая, что из "закатых" двух порций хоть одна-то уж будет его, Шухов быстро начал есть свою собственную. Для

этого он правое колено притянул к животу, из валенка вынул ложку "Усть-Изма 10цц", снял шапку, подложил под левую мышку, начал есть.

Вот эту минуту надо было сейчас всю потратить на еду и, снимая тонкий пласт каши со дна, аккуратно класть в рот и во рту переминать языком. Но приходилось спешить, чтобы Павло увидел, что он уже кончил и предложил ему вторую кашу. А тут еще Фетюков, который пришёл с эстонцами вместе, всё заметил - как две лишние катки зажали, стал прямо против Павла и ел стоя, поглядывая на четыре оставшихся бригадных порции. Этим он показывал Павлу, что и ему надо было бы дать, если не порцию, так, по крайней мере, хоть полпорции.

Павло же, однако, спокойно ел свою двойную, и по его лицу не видно было - видит ли он кто с ним рядом и помнит ли, что есть еще две порции лишних.

Шухов доел кашу. Оттого, что свой желудок он раскрыл сразу на две каши - от одной ему не было сытно, как всегда становилось от овсянки. Шухов полез во внутренний карман, из белевской тряпочки достал свой кусочек верхней корочки, стал её бережно обтирать остатки каши на дне и по бокам миски. Собрав, он слизывал кашу с корочки языком и еще собирал столько же. Наконец, миска была чиста - как будто вымытая. Он отдал её через плечо сборщику и минуту продолжал сидеть со снятой шапкой.

Хотя и зажал миски Шухов, но хозяин им - помбригадир.

Павло помучал еще немного, пока сам кончил свою миску, но не вылизывал, а только ложку оближал, спрятал, перекрестился. И тогда тронул слегка (передвинуть было тесно) две миски из четырёх, как бы отдавая их Шухову. "Иван Денисович! Одну себе возьмите, а другую - отдайте Цезарю!"

Шухов помнил, что одну миску надо нести Цезарю в контору; Цезарь никогда сам не унижался ходить в столовую, ни здесь, ни в лагере, - Шухов это помнил, но когда Павло коснулся сразу двух мисок, сердце Шухова замерло: не обе ли лишние отдавал ему Павло? И потом сейчас же сердце пошло своим ходом.

Он тотчас же наклонился над своей добычей, стал есть спокойно, не чувствуя, как его толкали в спину другие бригады. Он жалел только, если бы вторую кашу отдал Фетюкову. Шакалить - Фетюков всегда мастер, а захватить - смелости не хватило бы.

...А вблизи от них за столом сидел кавторанг Буйновский. Он уже давно кончил свою кашу и не знал, что в бригаде есть лишние и не оглядывался - сколько их там осталось. Он просто согрелся, не имел сил встать и идти на мороз или в хо-

лодную, необогреваемую обогревалку. Он так же занимал сейчас здесь незаконное место и мешал новоприбывающим бригадам, как те, кого пять минут назад он выгонял своим металлическим голосом. Он недавно был в лагере, недавно на общих работах. Такие минуты, как сейчас, были (он этого не знал) особо важными для него минутами, превращавшими его из влиятельного морского офицера в малоподвижного осторожного ээка, только этой малоподвижностью и имеющего возможность пережить назначенные ему 25 лет тюрьмы.

... Да него уже кричали и толкали в спину, чтобы освободить место. Павло сказал: "Капитан, а капитан!" Буйновский вздрогнул, как будто просыпаясь, и оглянулся. Павло протянул ему кашу, не спрашивая - хочет ли он. Брови Буйновского поднялись, глаза его смотрели на кашу, как на невиданное чудо.

"Берите, берите..." успокоил его Павло и, взяв последнюю кашу для бригадира, ушёл.

... Виноватая улыбка раздвинула потрескавшиеся губы капитана, ходившего и вокруг Европы и Великим Северным Путём. И он наклонился, счастливый, над неполной миской овсяной каши, без кусочка жира, - над овсом и водой.

Фетюков злобно посмотрел на Шухова, на капитана и отошёл. А Шухов считает, что это - правильно, что отдали капитану. Придёт время, и капитан научится жить, а пока - не умеет.

Еще слабую надежду имел Шухов - не отдаст ли ему и Цезарь своей каши? Но не должен был бы отдать, потому что посылки не получал уже две недели. После второй каши, так же вылизав дно корочкой хлеба и так же слизывая с корочки каждый раз, Шухов, наконец, съел и саму корочку. После этого он взял холодную кашу Цезаря и пошёл.

"В контору!" оттолкнул он контрольного ээка в дверях, не позволявшего ему выйти с миской из барака. Контора была простая рубленая изба около вахты. Дым, как и утром, шёл из её трубы. Топил её дневальный, он же и посыльный. А щепок для конторы не жалуют. Вошёл Шухов внутрь и быстро притянул за собой дверь (спеша, чтобы не крикнули на него: эй ты, дверь закрывай!). Бара ему показалась в конторе, как в бане. Через окна солнышко играло уже не так зло, как там в ТЭЦ, здесь оно играло весело. И в луче солнца расходился широкий дым от трубки Цезаря, как ладан в церкви. А печка вся красная была - так разогнали её, дьяволы! И трубы красные. В таком тепле - только присядь, и сейчас же заснёшь. Комнат в конторе - две. Дверь второй, прорабской, приоткрыта, и оттуда голос гремит: "Мы имеем перерасход по фонду заработной платы и перерасход по стройматериалам. Ваши заключённые рубят и сжигают в обогревалках ценнейшие

доски, я не говорю уже о сборных щитах, а вы - не видите ничего. А цемент около склада на днях заключённые разгружали на сильном ветру и еще носилками носили до десяти метров, таким образом - вокруг склада вся площадка в цементе и рабочие не чёрными ушли, а серыми. Какие потери?" - Значит, совещание у прораба с десятниками.

У входа в углу сидит дневальный, дремлет. Дальше - Шкурлатенко, в окошко смотрит - не крадут ли его сборные дома. А толь-то прозевал, братец!

Два бухгалтера, тоже эски, хлеб поджаривают на печке.

Цезарь - в стороне, трубку курит. К Шухову он - спиной, не видит.

А против него - X-123, двадцатилетник, старик, кашу ест.

"Нет", мягко говорит Цезарь. "Объективность требует признать, что Эйзенштейн гениален. "Иоанн Грозный" - разве это не гениально? Пляски опричников! Сцена в соборе!"

"Чепуха!" задерживая перед ртом ложку, сердится старик.

"Так много искусства, что это уже и не искусство. И потом гнуснейшая политическая идея - оправдывание единоличной тирании. Насмешка над памятью трёх поколений русской интеллигенции! (Кашу ест бесчувственным ртом - она ему на пользу не идёт).

"Но какое же объяснение пропустили бы иначе?.."

"Ах, пропустили бы? Тогда не говорите, что гений! Скажите, что подхалим, заказ собачий выполнял! Гении не подгоняют толкование под вкус тиранов!"

"Гм, гм..." откашлялся Шухов, стесняясь прервать образованный разговор. Ну, и стоять ему здесь тоже было ни к чему.

Цезарь повернулся, протянул руку за кашей, на Шухова и не посмотрел, как будто каша сама приехала по воздуху, и опять взялся за своё: "Но слушайте, искусство - это не ЧТО, а КАК!" А старик - ладонью по столу: "Нет, уж к чёртовой матери ваше "как", если оно во мне добрых чувств не вызывает!"

Шухов постоял ровно столько, сколько прилично было постоять, отдав кашу. Он ждал, не угостит ли его Цезарь покурить. Но Цезарь о нём совсем не помнил, не помнил, что он тут, за спиной.

И Шухов, повернувшись, тихо ушёл.

Ничего, сегодня не особенно холодно на улице. Работа сегодня как-нибудь пойдёт.

Шёл Шухов тропинкой и увидел кусок стальной пилы. Хотя ни для какой надобности ему такой кусок не был нужен, но он его поднял - вперёд нужды своей не знаешь. Поднял и спрятал в карман брюк. Нужно спрятать её на ТЭЦ. Бережливый - лучше богатого.

Придя на ТЭЦ прежде всего он достал спрятанный мастерок

и спрятал его за верёвочную опояску. А потом уж нырнул в растворную.

Так после солнца ему совсем темно показалось, и не теплее, чем на улице. Сырости больше.

Собрались все около круглой печки, поставленной Шуховым и около той, у которой дерево греется, пуская из себя пар. Кому места не хватило - сидят на растворном ящике. Бригадир - у самой печки сидит, кашу доедает. Павло ему её на печке разогрел.

Среди ребят - разговоры. Посеселели ребята. И Ивану Денисовичу тоже тихо говорят: бригадир удачно процентовку закрыл, весёлый пришёл.

Уж где он там работу нашёл и какую - это его, бригадирова ума дело. Сегодня за полдня что сделали? Ничего. То, что печку поставили - не оплатят, и обогревалку тоже не оплатят: для себя делали, не для производства. А в докладе надо что-то писать. Может быть, еще Цезарь что-нибудь бригадир в докладе придумывает - уважает его бригадир, зря бы не стал.

"Хорошо закрыл" - значит теперь пять дней хорошие порции будут. Хотя, положим, не пять, а четыре только: из пяти дней начальство зажимает один день, везёт весь лагерь ровно, и лучших и худших. Так чтобы не было обидно никому, всем поровну, а сэкономит на нашем желудке. Ну, ладно, желудок пока всё перетерпит: сегодня - кое-как, а завтра - наедемся. С этой мечтой лагерь и ложится спать в день гарантии.

А если разобратся - пять дней работаем, а четыре дня едим.

Бригада не шумит. У кого есть - покуривают потихоньку. Столпились в темноте и на огонь смотрят. Как большая семья. Она же ведь и есть семья, бригада. Слушают, как бригадир у печки двум-трём рассказывает. Он слов никогда зря не бросает. Если уж начал рассказывать - значит, в хорошем настроении.

Вот и он, Андрей Прокофьевич, тоже в шапке есть не научился. Без шапки голова его уже старая. Стрижена коротко, как у всех, и даже в печном огне видно, сколько седины в его сероватых волосах разбросано.

"...я и перед командиром батальона дрожал, а тут - компания! Красноармеец Тюрин по вашему распоряжению... из-под бровей диких посмотрел: а как зовут, по отчеству? - Говорю. Год рождения? - Говорю. Мне тогда, в тридцатом году, что же... 22 годика было, телёнок. Ну, как служишь, Тюрин? Служу трудовому народу! - Как вскипит да двумя руками по столу - хлоп! Служишь ты трудовому народу, да сам-то кто ты - подлэг? - Так меня внутри толкнуло! Но креплюсь: стрелок-пулемётчик, первый номер. Отличник боевой и поли... Какой первый номер, гад?!.. Отец твой - кулак! Вот бумаж-

ка пришла ! Отец твой - кулак, а ты скрылся, второй год тебя ищут ! - Поблудней я, молчу. Год писем домой не писал, чтобы следа не нашли. И живы ли там - не знал ничего, ни дома не знали про меня. Какая же у тебя совесть - кричит-обманывать рабоче-крестьянскую власть ?-Я думал-бить будет. Нет, не стал бить. Подписал приказ - шесть часов и - за ворота выгнать. А на дворе - ноябрь. Обмундирование зимнее отобрали, выдали летнее, носки третьего срока, шинель короткую... Я дураком был, не знал, что могу не сдать, послать их... И справку на руки: уволен из рядов... как сын кулака. С такой справкой - только на работу и иди. Ехать мне поездом - четверо суток, бесплатного проезда не выписали, еды - не выдали ни на один день. В последний раз накормили обедом и выгнали из военного городка.

...Между прочим, в 38 лагере, на Котласской пересылке, встретил я своего бывшего комвзвода, ему - тоже десятку подарили. От него и узнал: и тот комполка и комиссар - оба расстреляны в 1937 году. Были ли они пролетарии или кулаки - не знаю, только расстреляны. Имели ли они совесть или не имели. Перекрестился я и говорю: всё же есть Ты, Создатель, на небе. Долго терпишь, но больно бьёшь !"

Ох, и хотелось же курить Шухову после двух мисок каши ! И, думая купить у латыша из седьмого барака два стакана самосады и тогда расчитаться, Шухов тихо сказал эстонцу-рыбаку: "Слышь, Эйно, на одну закрутку займи мне до завтра... Я ведь не обману".

Эйно посмотрел Шухову прямо в глаза, потом не спеша так же перевёл глаза на брата названного. Всё у них - пополам, ни табачинки один не потратит. Что-то промывали друг другу, и достал Эйно мешочек расписанный розовым шнуром. Вынул он из этого мешочка щепоть табаку фабричной резки, положил на ладонь Шухову, посмотрел и еще несколько ленточек добавил. Как раз на одну закрутку, не больше.

А газетка у Шухова есть. Скрутил, поднял уголёк - и потянул ! И потянул ! И пошло что-то по всему телу, и даже как будто хмель и в ноги и в голову !

Только-было закурил, а на него уже глаза зелёные вспыхнули: фетюков. Можно было бы дать и ему, шакалу, да он уже сегодня у других получал, Шухов это видел. Лучше Сеньке Клёвшину оставить. Сенька-то и не слышит, что там бригадир рассказывает, сидит, бедный, перед огнём, голову склоня.

Лицо бригадира огнём освещено. Рассказывает без жалости, как будто - и не о самом себе:

"...Ну, барахло, какое у меня было, продал за четверть цены. Купил из-под полы две буханки хлеба, карточки тогда уже были. Хотел - на товарных добираться, но и против этого суровые законы вышли. А билетов (если кто-нибудь помнит) тог-

да достать было нельзя и за деньги, не только без денег. Давали только по командировочным. На перрон тоже не было ходу: в дверях милиция, с обеих сторон станции - охранники бродят по рельсам. Солнце холодное садится - где ночевать? Ну, перепрыгнул я через каменную стену вместе со своим хлебом и - в перронную уборную. Там постоял - никто за мной не бежит. Выхожу, как пассажир, солдат. А на пути стоит как раз поезд Владивосток-Москва. За горячей водой - бой идёт, друг друга по головам котелками бьют. Кружится девушка в синей кбфточке с двухлитровым чайником, а подойти - боится. Ножи-то у неё - маленькие, наступят или горячей водой могут облить. "На", говорю, "хлеб мой подержи, а я сейчас тебе кипятку достану!" Пока налил, а поезд - уже трогается. Она хлеб мой держит, плачет, что с ним делать! Чайник бросить готова. "Беги!" кричу "беги, я за тобой!" Она впереди, а я за ней. Догнали, одной рукой подсаживаю, а поезд быстрее. Я - на подкожку. Не стал меня кондуктор ни по пальцам бить, ни в грудь толкать - ехали еще бойцы в вагоне, он меня с ними спутал. Так и сели".

Шухов толкнул Сеньку под бок: на, мол, докури, бедняга! Так со своим деревянным мундштуком и дал, пусть пососёт, нечего тут! Сенька - он, как артист: одну руку к сердцу прижал, головой кивает. Ну, да что же - глухой!

Рассказывает бригадир: "...шесть их, девушек, в купе закрытом ехало, ленинградские студентки с практики. На столике у них - масло, плаши на крючках висят, чемоданчики... Едут мимо жизни, семафоры зелёные!.. Поговорили, пошутили, чайку вместе выпили. А вы, спрашивают, из какого вагона? Вздохнул я и рассказал: из такого я, девочки, вагона, что вам - жить, а мне - умирать..."

Тихо в растворяющей. Печка горит.

"Ахали, охали, совещались... Всё же прикрыли меня плащом на третьей полке. До Новосибирска спрятали, довели... Между прочим, одну из тех самых девочек я после на Печоре отблагодарил: она в 1935 году в Кировский попала, я её в портняжную мастерскую устроил".

"Может быть, раствор сделать?" Павло шёпотом спрашивает у бригадира.

Не слышит бригадир.

"Домой я ночью с огородов пришёл, ночью и ушёл. Маленького братишку захватил с собой и повёз в тёплые страны, во Фрунзе. Кормить было нечем - ни его ни себя самого. Во Фрунзе ребята сидели вокруг костра, асфальт варили. Я к ним подсел: "Слушайте, господа бесштаные! Возьмите моего братишку в обучение, научите его, как жить!" Взяли... Жалею, что и сам к блатным не присоединился..."

"И никогда больше брата не встречали?" спросил кавто-ранг.

Тюрин зевнул. "Не-е, никогда не встречал..." Зевнул еще. Сказал: "Ну, не горький, ребята! Привыкнем и на ТЭЦ. Кому раствор разводить - начинайте, гудка не ждите".

Вот это-то и есть - бригада. Начальник и в рабочий-то час рабочего с места не сдвинет, а бригадир и в перерыве сказал: "Работать!" - значит - работать. Потому что он кормит, бригадир. И зря не заставит тоже.

По гудку если раствор разводить - так каменщикам - стой? Вздохнул Шухов и поднялся: "Пойти лёд сколоть..."

Взял с собой для льду топор и метёлку, а для кладки - молоток, шнурок, отвес. Кильгас посмотрел на Шухова, скривился: чего, мол, раньше бригадира выскочил? Да Кильгасу ведь не надо думать - из чего бригаду кормить, ему, чёрту лысому, хоть и на 200 грамм хлеба меньше - он и посылками проживёт. А всё же встанет, понимает. Бригаду из-за себя держать нельзя. "Подожди, Ваня, и я пойду!" Ага, догадался, толстощёкий! Если бы на себя работал - и раньше бы еще встал. А еще поднялся Шухов раньше для того, чтобы прежде Кильгаса отвес захватить - отвес-то из инструменталки взят один.

Павло спросил бригадира: "Трое должны класть? Не поставим ли еще одного? Или раствора не хватает?"

Бригадир нахмурился, подумал. "Четвёртым я сам стану, Павло. А ты тут - раствор! Ящик-то большой, поставь человек шесть, и вот как: из одной половины готовый раствор вынимать, а в другой половине новый мешать. Чтобы перерыву не было ни минуты!"

"Эх!" вскочил Павло, парень молодой, кровь свежая, лагерями еще не измучен, на галушках украинских морда отъелась. "Если вы сами класть стенку будете, так и я сам - раствор делать буду! И посмотрим - кто больше сделает! А где тут самая длинная лопата?"

Вот это и есть - б р и г а д а! Стрелял Павло из леса да на районы ночью налёты делал - стал бы он тут для кого-то спину ломать! А для бригадира - дело другое!

Вышли Шухов с Кильгасом наверх, слышат - и Сенька по трапу стучит ногами. Догадался, глухой!

На втором этаже стены только начаты: в три ряда кругом и редко где - подняты выше. Это - самая медленная и трудная кладка, - от колен до груди, без подпорок.

А те подпорки, которые здесь раньше были, все растащили: кое-что на другие здания унесли, а кое-что сожгли, лишь бы не досталось чужим бригадам.

С верха ТЭЦ - видно далеко: и вся зона в снегу пустынная (зэки спрятались, греются до гудка), и вышки чёрные, и столбы острые с колючей проволокой. А еще невдалеке видно -

энергопоезд. Дымит, дышит тяжело. Хрип у него всегда такой болезненный перед гудком. Вот и загудел. Не много и переработали.

"Эй, стахановец ! Ты поскорее с отвесом !" торопит Кильгас. "Да на твоей стене - смотри, сколько льда ! Ты его до вечера кончишь сбивать ?" - смеется над ним Шухов.

Сначала хотели по тем стенкам становиться, на которых до обеда их поставили, а бригадир снизу кричит: "Эй, ребята ! Чтобы раствор в ящиках не замерзал - станем по двое. Шухов ! Ты на свою стену Клёвшина возьми, а я с Кильгасом буду. А пока - за меня Голчик у Кильгаса стенку очистит". Переглянулись Шухов с Кильгасом - верно, так скорее будет. И схватились за топоры.

И больше ничего не видел Шухов - ни горизонта далёкого, где солнце горело в снегу, ни как по зоне разошлись рабочие из обогревалки - кто ямки копать, кто арматуру ставить, кто куда. Шухов видел только свою стену. Он указал Сеньке где ему надо снимать лёд и сам рубил так, что лёд разлетался вокруг и в морду тоже; работу эту он выполнял прекрасно, но совсем не думая. А думка его и глаза его уже видели подо льдом саму стену, наружную стену ТЭЦ в два шлакоблока. Прежде, до него, стену клал неизвестный ему каменщик - или не понимая работы или халтуры, а Шухов теперь привык к стене, как к своей. Вот тут - ямка, её в один ряд выровнять нельзя, придётся сделать это ряда за три, каждый раз прибавляя побольше раствора. Вот тут - стена наружу животом вышла - это нужно выпрямить ряда за два. И невидимой пометкой разделил он стенку - до каких пор он сам будет класть, а где Сенька начнет до Кильгаса. Там, на углу - подумал Шухов - Кильгас не вытерпит, немного за Сеньку положит, вот ему и легче будет. А пока они на углу будут, Шухов тут уже сделает больше, чем полстены, чтобы наша пара не отставала. И наметил также куда сколько шлакоблоков класть. И, как только подносчики шлакоблоков наверх влезли, закричал Шухов на Алёшку: " Мне носи ! Вот сюда клади, и сюда !"

Сенька - лёд докалывал, а Шухов уже схватил метёлку из стальной проволоки и - туда-сюда, туда-сюда - пошёл ею стену обчищать, особенно из швов.

Влез и бригадир наверх, и пока еще Шухов с метёлкой работал - бригадир уже прибил планку на углу. А по краям у Шухова и у Кильгаса уже давно стоят.

"Гэй !" кричит Павло снизу. "Есть ли там кто-нибудь живой наверху ? Принимайте раствор !"

Вдруг Шухов даже вспотел: ведь шнурок-то еще не натянули ! и решил так: шнурок натянуть не на ряд, не на два, а на три сразу, с запасом. Натягивая шнур, объяснил Сеньке и сло-

вами и знаками - где ему класть. Понял глухой. Губы закусил, глаза перекосил - в сторону бригадировой стены кивает: дадим, мол, огоньку? Не отстанем! Смеётся.

А по трапу уже и раствор несут. Четыре пары будут носить раствор. Бригадир решил никаких растворных ящиков около каменщиков не ставить - раствор от переключивания только замерзает будет. А прямо поставили посылки, и два каменщика - неси на стену, клади. Тем временем - подноси кам, чтобы наверху не мёрзли, - шлакоблоки подбрасывать. Как только из носилок вальхт - сразу снизу новне, вторые, а эти - вниз.

Принесли двое носилок сразу - на кильгасову стену и на шуховскую. От раствора - пар, а тепла в нём - ничуть. Если мастерком егохватишь на стену и зазеваешься, переждёшь - он уже и прихватился. И бей его тогда молотком, потому что мастерком уже его не собьёшь. А если шлакоблок положишь не так - уже примёрз, лежит криво. Теперь можно только топором этот шлакоблок сбить и раствор сколоть.

Но Шухов не ошибается. Шлакоблоки не все одинаковые. У одного угол отбит, у другого ребро помято, Шухов это сразу видит, - какой стороной этот шлакоблок лечь хочет и видит то место на стене, которое этого шлакоблока ждёт.

Шухов захватывает мастерком дымящийся раствор, бросает на то место и запоминает - где прошёл нижний шов, чтобы на тот шов потом серединой верхнего шлакоблока попасть. Раствора он бросает ровно столько, сколько надо на один шлакоблок. Затем хватает из кучки шлакоблок, но с осторожностью хватает - не порвать бы рукавицу, шлакоблоки больно дерут. И, еще раз разровняв раствор мастерком, - хлоп туда шлакоблок! И сейчас же его подравнять, боком мастера подвинуть, если не так: чтобы наружная стена шла по отвесу и чтобы кирпич лежал в длину. И вот он уже схвачен, примёрз.

Теперь, если из-под него по бокам вышло раствору, этот раствор поскорее ребром мастера отбить, со стены сбить (летом он под следующий кирпич идёт, а сейчас - и не думай!) и опять нижние швы посмотреть - там бывает не целый блок, а кусочками - и опять раствору бросить, да чтобы под левый бок толще, и шлакоблок не просто класть, а справа налево - он и вдавит этот излишек раствора между собой и своим соседом. Теперь - глазом по отвесу. Глазом - вдоль. Схвачено. Следующий!

Пошла работа. Два ряда как только выложим - да старые ошибки подправим, так совсем гладко пойдёт. А сейчас - посмотреть зорко!

И погнал, и погнал наружный ряд к Сеньке навстречу. И Сенька там на углу с бригадиром уже разошёлся, сюда идёт.

Подмигнул подносчикам Шухов - раствор, раствор под руку быстро переносите, живо ! И такая пошла работа - некогда нос втереть. Когда сошлись с Сенькой да начали из одного ящика вынимать - уже и по дну идёт.

"Раствору !" кричит Шухов через стенку.

"Даё - ё-ем !" кричит Павло.

Принесли ящик. Вылили его, сколько было жидкого, а по стенкам уже схватился, попробуй-ка вынуть ! Отходи ! Следующий !

Шухов и другие каменщики перестали чувствовать мороз. От быстрой работы прошёл по ним сперва первый жарок, тот жарок, от которого под бушлатом, под фуфайкой, под верхней и нижней рубахами становится мокро. Но они ни на миг не останавливались и гнали кладку дальше и дальше. И через час пробил их второй жарок - тот, от которого пот высыхает. В ноги их мороз не брал, это главное, а остальное - ничто, ни ветерок лёгкий, не могли их мысли отвлечь от кладки. Только Клёвшин нога об ногу стучал, у него, несчастного, сорок шестой размер, валенки у него от разных пар, тесные.

Бригадир от времени до времени крикнет: "Раствору !" и Шухов тоже своё: "Раствору !" Кто работает, тот над соседями тоже вроде бригадира становится. Шухову недо не отстать от той пары, - сейчас он и брата родного по этому трапу с носилками загонял бы.

Буйновский сначала, с обеда, с фетюковым вместе, раствор носил. По трапу и круто и скользко, сначала он не особенно тянул. Шухов его легкочко подгонял: "Кавторанг, побыстрее ! Кавторанг, шлакоблоков !" Но с каждым носилками кавторанг становился быстрее, а фетюков всё ленивее: идёт сучье вмя, носилки наклонит и раствор выливает, чтобы легче было нести. Дал ему Шухов раз в спину: "У-у, гадская кровь ! А директором когда был - наверно с рабочих требовал ?"

"Бригадир !" кричит кавторанг. "Поставь меня с человеком, не могу я с этим г.....м носить !"

Переставил бригадир: фетюкова - снизу на подпорки шлакоблока бросать, а так поставил, чтобы отдельно считать - сколько он шлакоблоков бросит, а Алёшку - с кавторангом. Алёшка - тихий, над ним не командует только тот, кто не хочет.

"Аврал !" говорит ему кавторанг. "Видишь - кладка пошла !"

Улыбается Алёшка мягко. "Если надо побыстрее - давайте побыстрее ! Как скажете". И пошли вниз. Смирный человек в бригаде - клад.

Бригадир кому-то вниз кричит. Оказывается, еще одна машина с шлакоблоками пришла. То не было их полгода, то, как будто, прорвало их !

И еще вниз ругается бригадир. Что-то о подъемном кране. И хочется узнать Шухову, и не может, наконец: стену выравнивает. Подошли подносчики, рассказали: пришёл монтер на подъемнике мотор чинить, и с ним прораб по электроработам, вольный. Монтер возится, а прораб - смотрит.

Это - как положено: один работает, один смотрит.

Если бы сейчас исправили подъемник - можно было бы и шлакоблоки поднимать и раствор.

Шухов повёл уже третий ряд (и Кильгас - тоже третий начал), а по трапу идёт еще один начальник, строительный десятник, Дэр. Москвич. Говорят, в министерстве работал.

Шухов от Кильгаса близко стоял, покосился на Дэра.

"А-а-а!" отмахивается Кильгас. "Я с начальством вообще дела не имею. Только если с трапа упадет, тогда меня позовёшь".

Сейчас станет позади каменщиков и будет смотреть. Вот этих наблюдателей Шухов больше всего не терпит. В инженеры лезет... свинячья морда! А один раз показывал, как надо кирпичи класть, так Шухов расхохотался. По-нашему - во: построй один дом своими руками, тогда и инженер будешь.

У Шухова в деревне каменных домов не знали, изба - из дерева. А в лагере понадобился каменщик - и вот, пожалуй, ста, Шухов - каменщик! Кто два дела руками знает, тот еще и десять возьмёт.

Нет, не упал Дэр, взбежал наверх почти бегом.

"Тюрин!" кричит, и глаза - круглые. "Тюрин!" А вслед ему Павло по трапу бежит с лопатой. Бушлат у Дэра лагерный, новенький, чистенький. Шапка отличная, кожаная. А номер у неё, как у всех: "Б-731". "Ну?" Тюрин к нему с мастерком вышел. Шапка бригадирова - небок, на один глаз.

Что-то небывалое. И пропустить нельзя, и раствор в корыте замёрзнет. Кладёт Шухов, кладёт и слушает.

"Да ты - ч-ч-что!?" Дэр кричит, слюной брызгает. "Это не карцером пахнет! Это - уголовное дело, Тюрин! Третий срок получишь!"

Только тут стало ясно Шухову - в чём дело. Посмотрел на Кильгаса, и тот - понял. Толь! Толь увидел на окнах.

За себя Шухов ничуть не боится, бригадир его не продаст. Боится за бригадира. Для нас - бригадир - отец, а для них - пешка. За такие дела на севере второй срок бригадиру давали.

Ух, как лицо бригадирово перекошило! Ка-а-ак бросит мастерок под ноги! и - к Дэру шаг! Дэр оглянулся - Павло лопату поднимает. Лопату-то, лопату-то он не зря захватил!

И Сенька, хоть и глухой, а понял: тоже руки в сок и подошёл. А он - здоровый, чёрт!

Дэр забеспокоился, заморгал глазами, смотрит - где пятый

угол. Бригадир наклонился к Дэру и - тихо так совсем, а здесь, наверху ясно слышно: "Прошло ваше время, заразы, сроки раздавать! Если ты, кровосос, одно слово скажешь - последний день живёшь, запомни!"

Трясёт бригадира всего. Трясёт, не перестаёт.

И Павло прямо глазом Дэра режет, прямо режет. "Ну, что вы... что вы... ребята!" Дэр бледный стал, и - от трапа по-дальше.

Ничего бригадир больше не сказал, поправил шапку, мастеров поднял и пошёл к своей стене. И Павло с лопатой медленно пошёл вниз. Ме-е-едленно...

И оставаться Дэру страшно, и спускаться страшно. Спрятался за Кильгаса, стоит. А Кильгас кладёт - так в аптеке лекарства вешают - посетителем аптекарь и не интересуется ничуть.

Подкрадывается Дэр к бригадиру, где и вся его гордость? "Что же я прорабу скажу, Турин?" Бригадир кладёт, голозы не поворачивая: "А скажете - БЫЛО ТАК. Пришли - и так было". Постоял Дэр еще, видит - убивать его сейчас не будут. Прошёлся тихонько, руки в карманы заложил.

"Эй, Ш-854!" проворчал. - "Раствора почему тонкий слой кладёшь?" На ком-то надо отыграться. У Шухова - ни к чему придраться нельзя, ни к перекосам, ни к швам, так вот - раствор тонким оказался!

"Дозвольте заметить", ответил он с насмешечкой, "что, если сейчас положить толстый слой, то весной вся эта ТЭЦ потечёт". - "Ты - каменщик, и слушай, что тебе десятник говорит!" нахмурился Дэр и щеки надул, такая уж у него привычка.

Ну что же, возможно, что кое-где и тонко, можно было бы и потолще, но ведь это - если класть не землёй, а по-человечески. Надо же и людей пожалеть. Да чего объяснять, если человек не гонимает! И пошёл Дэр тихо по трапу.

"Вы мне подъёмник наладьте!" бригадир ему вслед со стены. - "Что мы - ишаки? На второй этаж шлакоблоки руками!"

"Тебе подъём оплачивают?" Дэр ему с трапа, но спокойно.

"На тачках? А ну-ка, возьмите тачку, прокатите по трапу! Оплачивайте "на носилках"!"

"Да разве мне жалко? Не проведёт бухгалтерия на носилках"!

"Бухгалтерия! У меня вся бригада работает, чтобы четырёх каменщиков обслужить. Сколько я заработаю?"

Бригадир кричит, а сам - работает, кладёт без отрыва.

"Раствор!" кричит вниз.

"Раство-о-ор!" перехватывает Шухов. На третьем ряду всё подравняли, а на четвёртом негде развернуться. Надо бы шкур вверх перетянуть, да ничего! И так, без шнура прогоним.

Пошёл Дэр по полю, голову опустил, в бушлат влез. В контору - греться. Неприятно ему, наверно. Так тогда надо думать прежде, чем на такого полка идти, как Тюрин. С такими бригадирами мог бы ладить, и беспокоиться не приходилось бы: паёк высокий, живёт в отдельной кабине - чего еще надо? Так нет, ум выставляет!

Пришли снизу - говорят, и прораб по электромонтажным ушёл и монтер ушёл - не могут подъёмника поправить.

Значит, продолжай ишачить!

Сколько Шухов производств порадал, техника эта или сама ломается или эски её ломают. Бревнотаскалку ломали: в цепь что-нибудь вставят и нажмут. Чтобы отдохнуть. Бревно за бревном приказывают класть, не отдохнёшь!

"Шлакоблоков! Шлакоблоков!" кричит бригадир. И - матом их, матом - и подносчиков и подбросчиков!

"Павло спрашивает - как быть с раствором?" шумят снизу. "Как разводить?" - "Так разведённого пол-ящика!" - "Значит - еще ящик!" Ну, работа идёт. Пятый ряд погнали. То согнувшись первый гнали, а теперь уже под грудь, смотри! Да и как же их не гнать, когда ни окон ни дверей, две глухих стены и шлакоблоков достаточно. И надо было бы шнур протянуть, да уже поздно.

"Восемьдесят вторая полка инструменты сдавать!" докладывает Гопчик. Бригадир на него только глазами сверкнул. "Знай своё дело! Носи кирпичи!"

Оглянулся Шухов. Да, солнышко уже на заходе. Но разошлись так, что лучше и не надо. Теперь уже пятый начали - пятый и кончить надо. Подравнять.

Подносчики - как лошади дышат. Кавторанг тоже посерел. Ему ведь - лет сорок-не сорок, а около этого.

Становится холоднее. Руки в работе, а пальцы всё же ломает сквозь дырявые рукавицы. И в левый валенок мороз заходит. Стучит Шухов ногами о землю - топ-топ-топ-топ!

К стене теперь наклоняться не надо, а вот за шлакоблоками - поломай спину за каждым, да еще за каждой ложкой раствора!

"Ребята, ребята!" торопит Шухов. "Вы бы мне шлакоблоки на стенку, на стенку поднимали!"

Кавторанг - и рад бы был, да уже не может, сил нет. Непривычный он. А Алёшка: "Хорошо, Иван Денисович! Куда класть - покажите!" С чём его, Алёшку, ни попроси - без отказа ок. Если бы все на свете такие были, - и Шухов бы был такой. Если человек просит - почему не помочь?

По всей зоне и до ТЭЦ ясно донеслось: о рельс звонят. Давай! Давай! Где же раствор? Э-э-эх! "Где же раствор?" кричит бригадир. А там - новый ящик только что сделан. Теперь класть, выхода нет: если ящик не освободить - завтра

весь этот ящик к свиньям разбивай, раствор окаменеет, его и киркбѣй не выбьешь. "Ну, не подаете теперь, братцы !" кричит Шухов.

Кильгас злой стал. Не любит авралов. Но нажимает и он, что поделавешь !

Снизу Павло прибежал с носилками, и мастерок в руке. И тоже - класть. В пять мастерков !

Теперь только успевай стыки заделывать ! Быстро - хорошо не бывает. А сейчас все за быстротѣй погнались. Шухов уже не гонит, а за стеной смотрит. Сейчас, если угол завалить - завтра на полдня работы.

"Стой !" - Павла от кирпича оттолкнул, сам его поправляет. А оттуда, смотри, с угла у Сеньки - перегиб получается. Бросился к Сеньке, двумя кирпичами вѣправил.

Кавторанг с носилками, как добрая лошадь, прибежал. "Еще", кричит, "двое носилок !" С ног уже падает кавторанг, а тянет. Такая лошадь у Шухова в деревне была. Берѣг её Шухов, но не помогло. И шкуру с неё сняли потом.

Солнце уже и верхним краем за землю зашло. Теперь уже и без Голчика видно: не только все бригады инструмент отнесли, а уже народ к вахте идѣт. (После звонка-то сразу никто не выходит, дураков нет, чтобы там на морозе стоять. Сидят все в обогревалках. Но настает такой момент, что стовариваются все бригады, и все вместе идут. Если не договориться - так это ж такой злоупбрный народ, эти арестанты, - друг друга пересиживая, будут до полуночи в обогревалках сидеть).

Опомнился и бригадир, сам видит, что опоздали. Инструментальщик его уже в десять матов обкладывает.

"Эх", кричит. "Дерьма не жалко ! Подносчики ! Катите вниз, освобождайте большой ящик, и что соберѣте - отнесите вон в ту яму и сверху снегом засыпьте, чтобы не видно было ! А ты, Павло, бери двоих, собирай инструмент, неси сдавать. Я тебе с Голчиком три мастерка пришлю, вот только эту последнюю пару носилок освободим !"

Набросились. Молоток у Шухова отняли, шнур отвязали. Подносчики, подбросчики - все побежали вниз в растворную, делать им тут больше нечего. Остались наверху только трое каменщиков - Кильгас, Клѣвшин да Шухов. Бригадир ходит, осматривает - сколько вѣложили. Доволен.

"Хорошо положили, а ? За полдня. Без подѣмника !"

Видит Шухов - у Кильгаса в корыте мало осталось. Беспокоится Шухов - не ругали бы бригадира в инструменталке за мастерки.

"Слышишь, ребята !" говорит Шухов. "Несите мастерки Голчику, мой - нечитанный, сдавать не надо, я им доложу".
Смеѣтся бригадир: "Ну, как тебя на свободу отпускать ?"

Без тебя же тюрьма будет плакать ! "Смеётся и Шухов, кладёт. Унёс Кильгас мастерки. Сенька - Шухову шлакоблоки подносит, раствор кильгасов сюда в корёто перелили.

Побежал Гопчик через всё поле к инструменталке. Павла догонять. И 104-ая сама пошла через поле, без бригадира. Бригадир - сила, но конвой - сила посильнее. Перепишут опоздавших, и - в кáрцер.

Стопнулись у вахты. Все собрались. Кажется, и конвой вышел, пересчитывают. (Считают два раза при выходе: один раз при закрытых воротах, чтобы знать, что можно ворота открыть; во второй раз - пропуская сквозь открытые ворота. А если что-нибудь покажется не так - тогда и за воротами считают).

"К чёрту с раствором !" машет бригадир. "Выбраснай его через стенку !"

"Иди, иди, бригадир ! Ты там нужнее !" (Шухов его зовёт Андреем Прокофьевичем, но сейчас своей работой он с бригадиром сравнился. Не то чтобы думал так: вот я сравнялся. А просто чувствует, что так). И шутит вслед бригадиру, широким шагом сходящему по трапу: "Почему день рабочий такой короткий ? Только за работу возьмёшься - уже и всё !"

Остались вдвоём с глухим. С этим - много не поговоришь. Да с ним и говорить незачем: он - всех умнее, без слов понимает.

Раствор - хлоп ! Шлакоблок - хлоп ! Прижали. Проверили. Шлакоблок...раствор...шлакоблок...раствор...шлакоблок...

Кажется, и бригадир сам приказал - раствор не жалеть, за стенку его - и побежали. Но так уж по-дурацкому устроен Шухов, и за восемь лет лагерей никак его отучить не могут: всякую вещь и всякий труд жалеет он, чтобы зря не пропало.

Раствор...шлакоблок...раствор...шлакоблок...

"Кончили, чёрт бы его побрал !" кричит Сенька. "Пошли !" Схватил носилки - и по трапу.

А Шухов - сейчас его хоть конвой всеми собаками трави - отбежал еще по площадке назад. Ничего ! Потом подбежал, и - справа через стенку, слева. Эх, глаз-то у него, как ватерпас ! Ровно ! Рука еще не стареет.

Побежал по трапу. Сенька из растворной и по холму бе-
гбм.

Ну, ну !" - оборачивается. "Беги !" машет Шухов. "Я сейчас !" А сам - в растворную. Мастерок так просто бросить нельзя. Может быть, завтра Шухов на работу не выйдет, может быть, бригаду на Соцгородок забросят, может быть, скда еще полгода не попадешь, - а мастерок пропадай ? В растворной все печи погасли. Темно. Страшно. Не потому страшно, что темно, а что ушли все, на вахте его не досчитаются и бить конвой будет.

А всё же - туда-сюда посмотрел, увидел здоровый камень, положил под него мастерок и прикрыл. Порядок !

Телерь - скорее Сэмку догонять. А тот шагов на сто отбежал, дальше не идёт. Никогда Клёвшин в несчастье не бросит. Ответить - так вместе.

Вместе побежали - маленький и большой. Сенька на полторы головы выше Шухова, и сама голова-то у него здоровая.

Есть же бездельники - по доброй воле на стадионе наперегонки бегают. Вот так бы их, чертёй, погонять после целого рабочего дня, со спиной еще не разогнутой, в мокрых рукавицах, в стылтых валенках, да еще по холоду !

Задыхаются, как собаки бешенные... только слышно: хн-хн ! Хн-хн !

Ну, да бригадир - на вахте, объяснит - в чём дело.

Вот прямо на толпу бегут, страшно.

Сотни глоток сразу как закричали ! И в мать их, и в отца, и в рот, и в нос, и в ребро ! Когда пятьсот человек на тебя рассердятся - страшно !

Но главное - как конвой ?

Нет, конвой - ничего ! И бригадир тут же, в последнем ряду. Объяснил, значит, на себя вину взял.

А ребята - кричат, а ребята матеряются ! Ну, так кричат - даже Сенька много услышал, дыхание перевёл, да - к-а-ак завернёт сам со своей высотки ! Всю жизнь молчал, а тут - как ахнет ! Кулаки поднял, сейчас драться бросится. Замолчали. Кое-кто смеётся.

"Эй, 104-ая ! Так он у вас не глухой ?" кричат. "Мы проверяли".

Смеются все. И конвой тоже.

"По пяти - рассчитайся !" А ворот не открывают. Сами себе не верят. Потеснили толпу от ворот назад. (А до того - всё время к воротам, как глупые, как будто - от этого быстрее будет).

"По пяти рассчитайся ! Первая ! Вторая ! Третья !"

И, как только пятёрку назовут, та вперёд проходит на несколько метров.

Отдохнул Шухов немного, оглянулся - а месяц-то уже и на небо вылез весь ! Весело Шухову, что всё прошло гладко, бьёт кавторанга под бок и начинает: "Слышишь, кавторанг, а как по вашей науке - куда старший месяц потом девается ?"

"Как - куда ? Невежество ! Просто не виден !"

Шухов крутит головой, смеётся: "А если не виден, так откуда же ты знаешь, что он есть ?" - "Так что же по-твоему", удивляется капитан, "каждый месяц луна новая ?" - "А что же странного ? Люди зон каждый день рождаются, так и месяцу раз в четыре недели можно ?" - "Тьфу !" плюнул капитан. "Еще ни одного такого глупого матроса не встречал. Так куда же

старый деваается ?!.." - "Вот я и спрашиваю тебя: куда ?" Шухов зубы раскрыл.

"Ну, куда ?"

Шухов вздохнул и рассказал: "У нас так говорили - старый месяц Бог на звёзды режет".

"Вот - дикари !" смеётся капитан. "Никогда не слышал. Так ты что же - в Бога веришь, Шухов ?" - "А как же !" удивился Шухов. "Как гром гремит - попробуй, не поверь !"

"А зачем же Бог это делает ?" - "Что ?" - "Да месяц на звёзды режет - зачем ?" - "Ну, чего же тут не понять ?" Шухов пожал плечами. "Звёзды-то время от времени падают, пополнять нужно".

"Повернись ! Мать..." кричит конвой. "Расчитайся !"

Вот и до них счёт дошёл. Прошла пятёрка двенадцатая пятой сотни, и их двое сзади - Шухов и Буйновский.

А конвой - суетится, не хватает у них. Хоть бы считать то умели ! Насчитали 462, а должно быть - 463.

Опять всех от ворот оттолкнули, и - ну: "По пяти - расчитайся ! Первая ! Вторая ! Третья !"

Эти их пересчёты тем плохи, что время уходит на это уже не казённое, а своё. Это пока ещё степью до лагеря дойдёшь, да перед лагерем очередь для обыска встать ! Все бригады бегом бегут, чтобы раньше на обыск, да скорее в лагерь попасть. Какая бригада раньше в лагерь попадёт, та и княжествует: столовая её ждёт, на посылки она - первая, и в камеру хранения она первая, и в индивидуальную кухню, и за письмами, или в цензуру своё письмо сдать, а санчасть, в парикмахерскую, в баню - везде она первая.

Бывает, что и конвою хочется поскорее нас сдать - и к себе в лагерь. Солдату тоже несладко: дел много, времени мало.

А вот счёт у них - не выходит.

Когда стали пропускать последние пятёрки, Шухову показалось, что в самом конце трое их. Нет, опять двое. Счётчики к начкару с дощечками. Рассуждают. Начкар кричит: "Бригадир 104-ой !" - Тюрки выступил вперёд на полшага: "Я !" - "У тебя на ТЭГ никого не осталось ? Подумай !" - "Нет". "Подумай, голову оторву !" - "Нет, точно говорю". А сам - на Павла смотрит: не заснул ли кто-нибудь так в растворной ? "Расчитайся по бригадам !" кричит начкар.

А стояли по пятёркам, как попало, кто с кем. Теперь загудели, начали толкаться. Там кричат: "76-ая - ко мне !" Там: "13-ая - сюда !" Там: "32-ая !" А 104-ая, как сзади всех была, так и собралась сзади. И видит Шухов: вся бригада с пустыми руками, настолько дураки заработались, что и щёлок не насобирали. Только у двоих. Эта игра идёт каждый день: перед концом работы собирают ребята щепочки, палочки и несут.

Первая облава - у вахты прораб или кто-нибудь из десятников. Если он там стоит - сейчас же приказывает всё бросать (миллионы рублей через трубу спустили, так вот - надеются щепками навестать). Но у зэка - свой расчёт: если каждый из бригады хоть немного щепочек принесёт, в бараке теплее будет. А то дадут дневальным на каждую печку по 5 кгг. угольной пыли, от неё - тепла не дождёшься. Поэтому-то так и делают, что наломают палочек покороче и прячут их себе под бушлат. Так и мимо прораба проходят.

А конвой здесь, за зоной никогда не приказывает дрова вбрасывать. Конвою тоже дрова нужны, но самим нести нельзя. И мундир не позволяет, и руки автоматами заняты, чтобы по нас стрелять. Вот когда к лагерю нас подведут, тогда конвой обычно командует: "От такого до такого ряда - бросай дрова вот сюда !" Но берут по-ббжески: и для лагерных надзирателей оставить надо, и для самих зэков, а то - совсем носить перестанут.

Вот так и получается: носи дрова каждый зэк и каждый день. Не знаешь - когда донесёшь, когда отнимут.

Пока Шухов искал глазами, нет ли щепочек под ногами, бригадир уже всех сосчитал и доложил начкару: "Сто четвёртая - вся !"

И Цезарь тут от конторских к своим подошёл. Из трубки - огонь красный, спрашивает: "Ну, как дела, капитан ?"

Кому тепло - тому мёрзлого не понять. Пустой вопрос: как дела ?

"Да как ?" поводит капитан плечами. "Наработался вот, еле спину вбпрямил". Ты, мол, догадайся дать закурить.

Даёт Цезарь и закурить. Он в бригаде одного кавторанга и держится, больше ему не с кем поговорить.

"В 32-ой бригаде одного нет !" шумят все. Побежал помощник бригадира 32-ой, и с ним еще один парень, туда, к авторемонтным мастерским, искать. А по толпе: кто ? да что ? - спрашивают. И дошло до Шухова: нету маленького черного молдаванина. Какой же это молдаванни ? Не тот ли, который, говорят, шпионом руминским был, настоящим шпионом ?

Шпионов-то в каждой бригаде по пяти человек, но это - шпионы не настоящие, нарочно деланные. По делу проходят, как шпионы, а сами - просто пленники. Вот и Шухов такой же шпион. А тот молдаванин - настоящий шпион.

Как только начкар заглянул в список - так и почернел весь. Ведь, если шпион сбежал - что же это начкару будет ?

А толпу всю и Шухова - злость берёт. Что это за стерва, гад, падаль, паскуда ?!. Небо уже потемнело, свет от месяца идёт, а его, мерзавца, - нет ! Что, не наработался, падаль ? Казённого дня мало, одизнадцати часов, от света до света ? Вот подожди, прокурор добавит !

И непонятно Шухову, чтобы кто-то так мог работать, звонка не замечая.

Шухов совсем позабыл, что сам он только что так же работал и жалел, что рано слишком собираются к вахте. Сейчас ему было холодно вместе со всеми и сердился он вместе со всеми, и еще бы, кажется, подержал их этот молдаванин с полчаса, да отдал бы его коньей толпе - разорвали бы, как волки телёнка !

Вот когда стал мороз пробирать ! Никто не стоит: или на месте переступает или ходит два шага вперёд, два назад.

Говорят люди: мог ли убежать молдаванин ? Ну, если еще днём убежал - другое дело, а если спрятался и идёт, чтобы с вышек охрану слыли, - тогда не дождётся. Если следа под проволокой не осталось - трое суток в зоне не разлучат, и трое суток будут на вышках сидеть. И хоть неделю - тоже. Это уж их устав, старые арестанты знают. Вообще, если кто-нибудь бежал - тут конвою жизнь кончается, гоняют их без сна и без еды. Иногда так разозлятся, что живым беглеца не берут.

А Цезарь уговаривает кавторанга:

"...например - пенсне на корабельном канате повисло, помните ?" - "У-а-а-а..." кавторанг табачок покуривает.

"Или - коляска по лестнице - катится, катится..."

"Да-а... Но морская жизнь нежного кукольная".

"Видите ли, мы избаловались современной техникой съёмки..."

"И черви по мясу прямо, как дождевые, ползают... Неужели такие были ?"

"Но более мелких средств с помощью кино не покажешь".

"Думаю - если бы мясо к нам сейчас в лагерь привезли вместо нашей рыбки, да, не мбя, в котёл бы сбросили, так мы бы..."

"А-а-а-а !" закричали эки. "У-у-у !"

Увидели: из авторемонтных три фигурки выскочили, значит, с молдаванином.

"У-у-у !" кричит толпа от ворот. А когда подбежали ближе: "Сука позорная ! Стерва ! Падаль !" И Шухов тоже кричал: "Падаль !" Шутка сказать: больше полчаса времени у пятисот человек отнял. Голову вобрал, бежит, как мышёнок. "Стой !" кричит конвой. И записывает: "К-40... Где был ?" А сам подходит и прикладом карабин поворачивает.

Из толпы все кричат: "Саблочь ! Падаль !" А другие, когда сержант стал карабин прикладом поворачивать, затихли.

Молчит молдаванин, голову наклонил, от конвоя - назад. Помбригадир выступил вперед: "Оч, падаль, сука, на лесá залез, от меня спрятался, а там - согрелся и заснул !" И р-раз его по затылку - кулаком ! По затылку ! И тем самым отогнал

конвой. Стскочил молдаванин, а тут - мадьяр вскочил из той же бригады, да - ногой его под зад, да - ногой под зад ! Это тебе не то, что шпионить ! Шпионить и дурак может. У шпиона - жизнь чистая, зесёлая. А ты попробуй-ка в ка-торжном лагере отсидеть десять лет !

Опустил коблохр карабин. А начкар кричит: "А-атайди от порот ! По пяти - рассчитайся !"

Вот собаки - опять считать ! Зачем же теперь считать, когда и без того ясно ? Загудели зэки. Теперь всё зло с молдаванина на конвой. Загудели и не отходят от ворот.

"Что-о-о ?" закричал начкар. "На снег посадить ? Сейчас посажу ! До утра держать буду !"

И посадит. Сколько раз сажали ! И клали даже: "Ложись ! Сружие к бою !" Всё это бывало, зэки знают. И стали потихоньку от ворот отходить. "А-атайди-и !" кричит конвой. Задние на передних злятся: "Да и чего, действительно, к воротам прижимаетесь, пададь ?" И отходят.

"Первая ! Вторая ! Третья !"

А молда - уже поднялся на добрух четверть. Пропал вечер ! Молдаванин проклятый ! Конвой проклятый ! Жизнь проклятая !

Передние - кого уже посчитали - оборачиваются посмотреть, в последней пятёрке двое останется или трое. От этого сейчас вся жизнь зависит.

Показалось Шухову, что в последней пятёрке их четверо останется. Сердце замерло со страху: один лишний ! Опять - пересчитывать ! А оказалось - фетюков-шакал, у кавторанга окурок просил, в свою пятёрку вовремя не переступил, и тут вышел - вроде как лишний.

Помначкар - по шее его, фетюкова ! Правильно !

В последней - три человека. Слава Тебе, Господи !

"Ат-т-тайди от ворот !" опять кричит караул. Но в этот раз зэки не ворчат, видят: выходят солдаты из вахты и оцепляют плац с той стороны ворот. Значит - выпускать будут.

Десятников вольных не видно, прагаба тоже нет, несут ребята дрова. Сткрыли ворота. И уже там, за ними, опять начкар - контролёр: "Первая ! Вторая ! Третья !"

Если еще раз сойдётся - часовых будут снимать с вышек. А от дальних вышек вдоль зоны - ого-го, сколько надо идти ! Когда последнего зэка из зоны введут и счёт будет в порядке, тогда только по телефону на все вышки звонят: сойти ! И если начкар умный - тут же и трогает их, зная, что бежать зэку - некуда, и что те, с вышек смогут нагнать колонну. А если начкар дурак, тогда он боится, что ему войска не хватит против зэков и ждёт. Из таких дураков и сегодняшний начкар. Идёт.

Целый день зэки - на морозе, просто замёрзли, так хо-

лодно. И после работы еще целый час на морозе. И всё же их не так мороз берёт, как - злость: пропал вечер! Уже никаких дел в зоне не сделаешь!

"А откуда вы так хорошо знаете быт английского флота?" спрашивают в последней пятёрке.

"Да видите ли, я прожил почти целый месяц на английском крейсере, имел там свою каюту. Я сопровождал морской конвой. Был офицером связи у них. И еще, представьте себе, после войны английский адмирал, чёрт его дёрнул, прислал мне подарок: "В знак памяти". Удивляюсь и проклинаю!.. И вот - всех в одну кучу! С бендеровцами тут сидеть - удовольствие маленькое!"

Странно... Странно вот так посмотреть: голая степь, покинутая зона, снег под месяцем блестит. Конвоиры - уже на своих местах - десять шагов друг от друга, оружие на изготровку. Чёрное стадо этих эзков, и в таком же бушлате с номером Ш-311 - человек, которому и жизни не было без золотых погон, который с английским адмиралом бывал вместе, а теперь с фетюковым вместе носилки таскает.

И так можно человека повернуть... и так...

Ну, собрался конвой. Прямо без молитвы: "Шагом - марш! Побьстрее!"

Не-е-е, уж чёрта-с-два теперь "побьстрее"! От всего отстали, так теперь и спешить незачем. И, не сговариваясь, эзки поняли все: вы нас держали, а теперь мы вас подержим! Вам, я думаю, также к теплу хочется...

"Шире шаг!" кричит начкар. "Шире шаг!"

Конечно - сразу же тебя послушались - шире шаг! Идут эзки медленно, как на похороны. Нам уже тегать нечего, всё равно - в лагерь придём последними. Не хотел с нами по-человечески - теперь можешь разорваться от крика!

Покричал-покричал начкар "шире шаг!" и понял: не пойдут эзки быстрее. И стрелять - нельзя: идут пятёрками, колонной, согласно. Нет у начкара власти гнать эзков быстрее. (Утром эзки только этим и спасаются, что на работу тянутся медленно. Кто быстро бегаёт - тому сроку в лагере не дожить, свалится).

Так и пошли - ровненько, аккуратно. Некоторые тихонько разговаривают, а некоторые просто так идут. Стал Шухов вспоминать - чего он с утра еще в зоне не доделал? И вспомнил: санчасть! Вот странно, совсем про санчасть забыл за работой. Как раз сейчас приём в санчасти. Еще можно было бы успеть, если не поужинать. Но теперь, как будто, и не ломает. И температура не поднимется... время только тратить! Прожил день и без докторов. Доктора эти в деревянный бушлат залечат.

Не санчасть его теперь привлекала, - а как бы еще к

ужину добавить ? Вся надежда была на то, что Цезарь посылку получит, ему уже давно пора.

И вдруг колонну эков как будто подменили. Загудела, сбилась с ровной ноги, и вот уже последние пятёрки, а среди них и Шухов, и они уже не шагом догоняют идущих впереди, а стали бежать за ними. Пройдут шагом немного, и - бегом.

А когда хвост колонны на холм поднялся, тут и Шухов увидел: справа от них, далеко в степи, чернела еще колонна, шла она нашей колонне наискосок и, должно быть, увидав нас, тоже поспешила.

Это могла быть только колонна мехзавода, в ней человек триста. Не повезло, значит, и им, тоже задержали. А их за что ? Их, случается, и по работе задерживают: какую-нибудь машину не доремонтировали. Да им-то что ? Они в тепле весь день.

Ну, теперь - кто кого ! Бегут ребята, просто бегут. И конвой начал рксю, только начкар покрикивает: "Не растягиваться ! Сзади подтянуться !" Да чёрт бы тебя побрал, что ты гавкаешь ? Разве мы не подтягиваемся ?

И кто о чём говорил, и кто о чём думал - всё забыли, и один остался во всей колонне интерес: "Обогнать !"

И так всё смеялось, что уж и конвой экам не враг, а друг. Враг же - та колонна, другая.

Все сразу развеселились, и зло прошло.

"Давай, давай !" задние передним кричат.

Дошла наша колонна до улицы, а мехзаводская позади жилого квартала скрылась. Пошла гонка втёмную. Тут нашей колонне бежать легче стало, да и конвоирам с боков не так трудно. Тут-то мы их и должны обогнать !

Еще и потоку мехзаводцев обогнать надо, что их при лагерном обыске особенно долго держат. С того случая, когда в лагере резать начали, начальство считает, что ножи делаются на заводе и в лагерь приходят оттуда. Поэтому у входа мехзаводцев особенно обыскивают. Поздней осенью, когда земля была уже мёрзлая, им кричали: "Снять ботинки, мехзавод ! Взять ботинки в руки !" Так их босиком и обыскивали.

Да и теперь, есть ли мороз или нет мороза, по выбору прикажут: "А ну-ка, сними правый валенок ! А ты - левый сними !"

Снимает валенок эк и должен, прыгая на одной ноге, портянкой потрясти - нет, мол, ножа.

А Шухов слышал (не знает - правда ли это или нет), что мехзаводцы еще летом два волейбольных столба в лагерь принесли и что будто в тех столбах были все ножи спрятаны. По десяти длинных ножей в каждом. Теперь их в разных местах и находят - то там, то здесь.

Так, полубегом, миновали новый клуб и жилой квартал и деревообдѣлочный - и вышли на прямой поворот к лагерной

вахте. На этот-то стык дорог и метили ! Мехзаводцы - метров на полтора справа, отстали.

Ну, теперь спокойно пошли. Все довольны в колонне. И вот лагерь. Какой утром оставили - такой он и сейчас: ночь, огни по зоне над сплошным забором и особо густо горят фонари перед вахтой, вся площадка для обыска залита, как солинем.

Но, еще не доходя до вахты...

"Стой !" кричит помначкар. И, отдав автомат свой солдату, подбегает к колонне близко (а с автоматом им близко подбегать нельзя). "Все, кто справа стоит и дрова в руках - брось дрова направо !"

А снаружи-то их открыто несли, ему и видно было. Одна, другая связка полетели, третья... Некоторые хотят укрыть дрова внутри колонны, а соседи на них:

"Из-за тебя и у других отнимут, бросай по-хорошему !"

Кто арестанту - главный враг ? Другой арестант. Если бы арестанты друг на друга не рычали, то - э-э-эх !

"Марш !" кричит помначкар. И пошли к вахте.

К вахте сходятся пять дорог, за час до этого тут все рабочие толпились. Надзиратели уже на вахте грелись. Выходят и поперёк дороги становятся. "Рас-с-стегнуть бушлаты ! Фуфайки расстегнуть !"

И руки разводят. Обнимать собираются, обыскивая. По бокам хлопать. Ну, в общем - как утром. Сейчас расстёгивать не страшно, домой идём. Так и говорят все: "домой". О другом доме за день и вспомнить некогда.

Уже обыскали голову колонны, когда Шухов подошёл к Цезарю и сказал: "Цезарь Маркович ! Я от вахты побегу сразу в послочную и займу очередь". Повернул Цезарь к Шухову чёрные усы, а сейчас снизу белне: "А зачем же, Иван Денисович, занимать ? Может, и послышки не будет". - "Ну, а не будет мне что ? Десять минут подожду, не придёте - я и в барак". (Сам Шухов думает: если не Цезарь, так, может быть, кто-нибудь другой придёт, кому можно место продать в очереди). Соскучился, видно, Цезарь посылке: "Ладно, Иван Денисович, беги, занимай. Десять минут жди, не больше".

А уж обыск вот-вот подходит. Сегодня Шухову от них прятать нечего, подходит он без боязни. Не спеша, расстегнул бушлат и фуфайку тоже распустил под поясом.

И хотя он ничего за собой запрещённого не помнил сегодня, но осторожность восьми лет сидения вошла в привычку. И он сунул руку в брючный карман на колене - проверить - пусто ли там, как он и знал хорошо.

Но там - был кусок пилы ! Кусок, который он из хозяйственности поднял сегодня среди рабочей зоны и совсем не собирался приносить в лагерь.

Он не собирался её пронести, но теперь, когда уже донёс, бросать было жалко ! Ведь если её отточить в маленький ножичек вроде сапожного или портновского !

Если бы он собирался её пронести, тогда он придумал бы хорошо и как спрятать. А сейчас - оставалось всего два передних ряда, и вот уже первая из этих пятёрок отделилась и пошла на обиск.

И надо было решать быстрее ветра: или, заслонясь последней пятёркой, незаметно сбросить на снег (где её потом найдут, но не будут знать - чья) или нести ! За этот кусок пилы могли дать десять суток карцера, если бы признали её котом. Но ведь сапожник ножичек был заработок, кусок хлеба ! Бросать было жалко. И Шухов сунул её в ватную рукавицу. Тут скомапдовали и следующей пятёрке пройти на обиск.

И на полном свету их осталось последних трое: Сенька, Шухов и парень из 32-ой, который бегал за молдаванином.

Так как их было трое, а надзирателей было пять, можно было выбрать - к кому из двух правых подойти. Шухов выбрал не молодого, а старого, седоусого. Старый был, конечно, опытен и легко бы нашёл, если бы захотел, но потому что он был старый, служба ему должна была надоесть хуже горькой редьки.

А тем временем Шухов снял с рук обе рукавицы, пустую и с куском пилы (сунув вгребёт пустую), в ту же руку схватил и пояс-верёвочку, пилы бушлата и фуфайки поднял вверх (никогда он таким услужливым не был при обыске, а сейчас хотел показать, что вот, мол, весь он открыт - на, бери меня!) и по команде пошёл к седоусому.

Седоусый надзиратель обхлопал Шухова по бокам и по спине, по наколённому карману, сверху хлопнул - нет ничего, помял в руках пилу бушлата и фуфайку, тоже нет ничего, и, уже отпуская, для верности смял в руке еще и выставленную рукавицу Шухова - пустую.

Надзиратель смял рукавицу, а у Шухова внутри - скалось сердце. Еще один такой нажим по второй рукавице, и он должен был бы идти в карцер на триста грамм в день, и горячая пища только на третий день. Он сразу представил себе, как он там ослабеет и как трудно ему будет вернуться в то не голодное и не сытое состояние, в котором он был сейчас.

И тут же он усрленно, остро помолился про себя: "Господи ! Спаси ! Не дай мне карцера !"

И все эти думки пронеслись в нём только пока надзиратель смял первую рукавицу :: перенёс руку, чтобы так же смять и вторую (он смял бы их вместе двумя руками, если бы Шухов держал их в разных руках, а не в одной). Но в это время послышалось, как старший на обыске, спеша поскорее освободиться, крикнул козлом: "Ну, подводи мехзавод !"

И седоусый надзиратель вместо того, чтобы взяться за вторую рукавицу Шухова, махнул рукой - проходи, мол. И отпустил.

Шухов побежал догонять своих. Они уже были встроены по пяти человек между двумя длинными бревенчатыми заборами, как для скота на базаре. Бежал он легко, не чувствуя земли и не помолился еще раз с благодарностью, потому что было некогда.

Конвой, который вёл их колонну, освобождая дорогу для мехзавода, весь теперь ушёл в сторону и ждал только своего начальника. Все дрова, брошенные колонной до обыска, конвоиры собрали себе, а дрова, отобранные при обыске надзирателями, были собраны в кучу около вахты.

Месяц поднимался всё выше и выше, и в белой светлой ночи мозоз становился всё крепче.

Начальник конвоя, идя на вахту, чтобы ему так вернули расписку за ЦЭЗ головы, поговорил с помощником Волкового, и тот крикнул: "К-ЦЭО !"

Молдаванин, прятаясь в гуще колонны, вздохнул и пошёл туда. Он всё так же держал голову склонённой и побранной в плечи.

"Иди сюда !" показал ему помощник Волкового. Молдаванин подошёл. Ему было приказано взять руки назад и стоять тут. Значит - возьмут в БУР за попытку к побегу.

Не доходя до ворот, справа и слева, стали два вахтёра, ворота в три человеческих роста медленно открылись, и послышалась команда: "По пяти рассчитайся ! (Тут не надо: "Отойди от ворот !" - всякие ворота всегда внутрь зоны открываются, чтобы, если зеки на них и нахнут толпой, не могли выбить).
"Первая ! Вторая ! Третья !"

Вот на этом-то вечернем пересчёте, возвращаясь через лагерные ворота, зек за день более всего обветрен, промёрз, проголодался, и миска обжигающих щёк сейчас для него то же, что дождь в засуху, - он их сразу втянет наизусть. Эта миска для него сейчас - дороже свободы, дороже всей прежней и будущей жизни.

Входят сквозь лагерные ворота зеки, как солдаты с похода: живо, бодро, - посторонись ! И "прядурку" из штабного барака смотреть на волну входящих зёков - страшно !

Вот с этого-то пересчёта, в первый раз с тех пор, как в половине седьмого утра дали звонок на развод, зек становится свободным человеком. Прошли большие ворота зоны, прошли малые ворота предзонника, и - теперь расходись, кто куда !

Кто куда, а нарядчик бригадиров ловит: "Бригадиры ! В ППЧ !"

Шухов бросился мимо БУРа, между бараками, и в послыш-

ную. А Цезарь - пошёл спокойно, размеренно в другую сторону, где вокруг столба уже собралась большая толпа, а на столбе была прибита фанерная дощечка, а на дощечке написаны фамилии тех, кому сегодня посылки есть.

В лагере - на бумаге мало пишут, больше на фанере. На доске - как-то вернее, яснее. На ней и нарядчики счёт головам ведут. А завтра - срезал, и снова пиши. Экономия.

А кто в зоне остаётся, еще так делают: прочтут на дощечке кому посылка, встречают его тут же на линейке, сразу и номер сообщают. Много-не много, а сигаретку и такому дадут.

Добежал Шухов до посылочной, - при бараке пристройка, а к ней еще тамбур пристроен. Тамбур снаружи без двери, холод свободно ходит, но всё же в нём как-то как будто приятнее, ведь под крышей.

В тамбуре очередь вдоль стенки стоит. Занял Шухов очередь. Впереди - человек 15, это значит - больше часу, как раз до отбоя. А те, кто из колонны пошли список смотреть - те уж после Шухова будут. И мехзаводские все. Им за посылкой, может быть, второй раз придётся прийти, завтра с утра.

В очереди стоят с сумками, с мешочками. Там, за дверью (Шухов-то сам не получал посылки в этом лагере никогда, но знает по разговорам) вскрывают посылочный ящик топором, надзиратель всё своими руками вынимает, просматривает. Кое-что разрежет, кое-что переломит, кое-что пересыплет. Если какая-нибудь жидкость, в стеклянных или жестяных банках, откроют и выливают - хочешь, руки подставляй, хочешь, полотенце. А банки - не дают, боятся чего-то. Если пироги или колбаса, рыба - тогда и надзиратель откусит (а попробуй-ка рассердись, сейчас же придерётся, скажет, что запрещено, а если запрещено - так и не выдаст. Кто получает посылку, тот должен давать, начиная с надзирателя, - давать, давать, давать). А когда посылку кончат обыскивать, опять-таки ящика посылочного не дают, а бери всё себе - хочешь, в сумку, хочешь, в полубушлатную, и гони отсюда поскорее, следующий! Так некоторых торопят, что забывают что-нибудь на стойке. Но за этим не возвращаются. Нету.

Еще когда-то в Усть-Ижме Шухов получил посылку пару раз. Но и сам жене написал: проходят, мол, впусти, не посылай, не отнимай от детишек.

Хотя на свободе Шухову было легче кормить всю семью, чем здесь одного себя, однако, знал он - чего стоят эти передачи и знал, что в течение десяти лет нельзя их тянуть с семьи. Так лучше без них.

Но хотя он так и решил, но каждый раз, когда кто-нибудь в бригаде или в бараке получал посылку (т.е. почти каждый день) больно ему было, что не ему посылка. И хотя он строго

запретил жене даже к Пасхе присылать и никогда не ходил к столбу со списком, кроме как для бригадника богатого, тем не менее он почему-то ждал иногда, что вот - прибегут и скажут: "Шухов ! Чего же ты не идёшь ? Тебе посылка !"

Но никто не прибегал...

И еще меньше и меньше было причин вспомнить родную избу и деревню Темгенево... Здешняя жизнь трепала его от подъёма и до отбоя, не оставляя времени для пустых воспоминаний.

Сейчас, стоя среди тех, кто тёр себе надеждой врезаться зубами в масло, намазать хлеб маслом или сахарком устать чашку, Шухов держался только на одном желании: успеть в столовую со своей бригадой и съесть баланду горячей, а не холодной. Холодная и полценн не имела против горячей.

Он рассчитывал, что если фамилии Цезаря в списке не оказалось, то он уже давно в бараке и умывается. А если фамилия нашлась, так тогда он мешочки собирает, кружки пластмассовые. Для того Шухов и обещал десять минут ждать.

Тут, в очереди, услышал Шухов новость: воскресенья опять не будет на этой неделе... опять зажимают воскресенье. Так он и ждал, и все ждали так: если пять воскресений в месяце, то три дадут, а два - на работу гонят. Так он и ждал, а всё же, как только услышал - всю душу перевернуло: воскресенье-то своё - кому не жалко ? Ну, да правильно в очереди говорят: выходной день и в зоне сумеют отравить, уж что-нибудь выдумают - или баню пристраивать или стенку строить или чистку двора. А то еще - смену матрасов, вытряхивать их и клопов убивать. Или же - проверку личности по карточкам начнут или инвентаризацию: выходи со всеми вещами на двор, сиди полдня.

Хуже всего для них - это, когда зэк спит после завтрака.

Очередь, хоть и медленно, но подвигалась. Без очереди, никого не спрашивая, оттолкнув переднего, зашли - парикмахер, один бухгалтер и один из КВЧ. Но это были не серые зэки, а твёрдые лагерные ПРИДУРКИ, самые первые сволочи, сидевшие в зоне. Таких людей рабочие зэки считали хуже дерьма, как и те считали рабочих. Но спорить с ними было бесполезно: у придурков между собой спайка и с надзирателями тоже.

Впереди Шухова оставалось еще человек десять, и сзади семь человек прибежали, и вот тогда в дверь, нагибаясь, вошёл Цезарь в своей новой меховой шапке, присланной с воли. (Тоже вот и шапка. Кого-то Цезарь подмазал, и ему разрешили носить чистую, новую городскую шапку. А с других даже старые фронтные шапки снимали и дали лагерные, свиначьего меха).

Цезарь улыбнулся Шухову и сразу же с чудаком в оч-

как, который в очереди всё время газету читал: "А-а-а, Пётр Михайлович !" И - расцвели друг перед другом, как маки. Тот чудак: "А у меня - "Вечерка" свежая, смотрите ! Бандеролью прислали !" - "Да ну-у-у !?.." И Цезарь лезет в ту же газету. А под потолком - лампочка слабая-слабая, ну что там можно разобрать, да кроме того еще - мелкими буквами ? "Тут интереснейшая рецензия на премьеру Завадовского !!.."

Они, москвичи, - друг друга издали чуют, как собаки. И, сойдясь, всё время обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И быстро-быстро говорят - кто больше слов скажет. И когда так говорят - редко русские слова попадают, так что слушать их - всё равно, как слушать латышской или румын.

В руке Цезаря все мешочки собраны, на месте.

"Так я это... Цезарь Маркович..." говорит Шухов. "Может быть, пойду ?"

"Конечно, конечно..." Цезарь уже чёрные от газеты поднял. "Так значит - за кем я ? Кто за мной ?" Шухов ему объяснил - кто за кем, и, не ожидая, что Цезарь сам насчёт ужина вспомнит, спросил: "А ужин вам принести ?" (Это значит - из столовой в барак, в котелке. Носить никак нельзя, на то много было приказов. Ловят и на землю из котелка выливают, и в карцер сажают, но всё равно, - носят, и будут носить, потому что у кого дела - тот никогда с бригадой в столовую не успевает).

Спросил - принести ли ужин, а сам думает: да неужели же ты скупым окажешься ? Ужина мне не подаришь ? Ведь на ужин каша нет, только баланды голая !

"Нет, нет", улыбнулся Цезарь. "Ужин сам съешь, Иван Денисович !"

Вот только этого Шухов и ждал ! Теперь-то он, как свободная птица, вылетел из-под тамбурной крыши и - по зоне, и по зоне !

Бегает эки во все концы ! Одно время начальник лагеря такой приказ издал: никому из заключённых в одиночку по лагерю не ходить. А куда можно - вести всю бригаду строем. А куда всей бригаде сразу никак не нужно (скажем, в санчасть или в уборную) то составлять группы по четкре-пять человек, и старшего в них назначать, и чтобы вёл свою группу строем туда и там дождался, и назад - тоже строем.

Начальник лагеря очень настаивал на этом приказе. Никто с ним спорить не смел. Надзиратели хватали одиночек и номера записывали и в БУР водили, а ничего из приказа не вышло, поломался приказ. Скажем, вызывают сами человека к оперу - так не посылать же с ним команды ! Или, напр., тебе в каптёрку за продуктами надо, а я с тобой зачем пойду ? А другому - захочется в КЗЧ газеты читать, так кто же с ним пойдёт ? А тому - валенки в пачинку, а тому - в сушилку,

а тому - просто из барака в барак (из барака в барак - то больше всего и запрещено) - ну, как их удержать ?

Хотел начальник этим приказом последнюю свободу у ээков отнять, да не вышло у него, у пузатого.

По дороге до барака встретив надзирателя и на всякий случай приподняв перед ним шапку, забежал Шухов в барак. В бараке - шум: у кого-то днём хлеб спёрли, кричат на дневальных, и дневальные кричат. А угол 104-ой - пустой.

Уже тот вечер Шухов считает благополучным, когда в зону вернулись, а тут - даже матрасы не перевернуты, обыска в бараке днём не было. Бросился Шухов к своей койке, на ходу бушлат с плеч снимая. Бушлат - наверх, рукавицы с пилой - наверх, потрогал матрас в глубину - утренний кусок хлеба на месте ! Обрадовался, что зашил. И - бегом наружу. В столовую !

Пробежал к столовой, не встретивши надзирателя. Только ээки шли навстречу, спора о пайках.

На дворе всё светлее в сиянии месячном. Фонари везде уже не такие яркие, а от бараков - чёрные тени. Вход в столовую через широкое крыльцо с четырьмя ступенями, и это крыльцо сейчас тоже в тени. А над ним - фонарик висит, лампы светятся.

И еще был строгий приказ начальника: бригадам в столовую ходить строем по два. Дальше приказ был: дойдя до столовой, на крыльцо бригадам не входить, а перестраиваться по пяти и стоять, пока дневальный по столовой их не впустит.

Дневальным по столовой крепко держался "Хромой". Он свою хромоту в инвалидность провёл, а сам - сильный, сволочь. Палка у него - здоровая, и он этой палкой всех с крыльца бьёт, кто без его команды лезет. Но не всякого бьёт. Хромой быстрый, и в темноте со спины узнает и тогда не ударит, кто ему сам в морду может дать. А забитых - бьёт. Шухова раз ударил.

Название - "дневальный". А на самом деле - князь ! С самими поварами дружит !

Сегодня - не то все бригады в одно время подошли, не то долго порядки наводили, только у крыльца - густая толпа, а на крыльце - "Хромой", помощник "Хромого" и сам завстоловой. Без надзирателей работают.

Завстоловой - отобранный гад, голова - как тёлка, в плечах - аршин. Столько силы в нём, что ходит он, как на пружинах, как будто ноги у него - пружинные, и руки тоже. Носит шапку белого пуха без номера, ни у кого из вольных такой шапки нет. И меховой жилет носит барашковый, на том жилете, на груди - маленький номерок, как марка почтовая, - это Волковому уступка, а на спине и такого номерка нет. Завстоловой никому не кланяется, а ээки все его боятся. В

одной руке он тысячи жизней держит. Раз его хотели побить, так все повара на защиту выскочили, морды - на подбор.

Беда теперь будет, если 104-ая уже прошла, "Хромой" весь лагерь в лицо знает и при заве ни за что никого из другой бригады не пропустит, нарочно насмеяться начнёт.

Иногда и за спиной "Хромого" через перила перелезают, и Шухов лазил раньше. А сегодня, при заве - не перелезешь: даст по морде так, что в санчасть пойдёшь.

Скорее, скорее к крыльцу - среди всех этих одинаковых чёрных бушлатов узнать: здесь ли еще 104-ая. А тут как раз поднажали, поднажали бригадиры (а что же поделаешь - скоро уже и отбой!) и лезут, как на крепость... одну, вторую, третью ступеньку взяли, на крыльцо вошли!

"Сто-о-ой!" кричит "Хромой" и палку поднял на передних. "Наза-а-ад! Сейчас кому-то покажу!" - "Да чем мы виноваты?" кричат передние. "Сзади толкают!"

Сзади-то толкают - это правда, но и передние не особенно сопротивляются, надеются в столовую влезть.

Тогда "Хромой" перехватил свою палку поперёк груди, как шлагбаум закрытый, да как бросится на передних! И его помощник за ту палку схватился, и сам завстоловой тоже.

Двинули они как следует, а силы у них - довольно, мясо едят... ну, мы и отошли! Сверху вниз сбросили передних на задних, прямо повалили, как снопы.

"Хромой, сво-о-олочь!..." кричат из толпы, уже не прячась. Остальные упали молча, поднимаются молча, поскорее, чтобы их не затоптали.

Очистили ступеньки. Завстоловой отошел по крыльцу, а "Хромой" на верхней ступеньке стоит, учит: "По пяти рассчитайся, головы браньи, сколько раз вам говорить? Когда нужно, - тогда и пушу!"

Увидел Шухов перед самым крыльцом голову похожую на голову Сеньки Клёвшина, обрадовался страшно, и давай скорее туда локтями пробиваться. Но сдвинули спины - ну, нет сил, не пробьёшься!

"27-ая!" кричит "Хромой". "Проходи!"

27-ая - по ступенькам да скорее к дверям. А за ней - опять все нажали по ступенькам, и задние тоже. И Шухов тоже силой пробивается. Крыльцо трясут, фонарь над крыльцом качается.

"Опять, сволочи?" сердится "Хромой". И - палкой, палкой кого-то по плечам, по спине и толкает, толкает одних на других.

Снова очистил.

Видит Шухов снизу - рядом с "Хромым" взошёл Павло. Бригаду он сюда водит, а Тюрин не ходит пачкаться в эту толкотню.

"Сто четвёртая, по пяти - рассчитайся !" сверху кричит Павло. "А вы - подчиньтесь, друзья !"

Жди - пока тебе друзья подвинутся !

"Да пусти же ты, спина ! Я из твоей бригады !" толкает Шухов. Тот бы и рад был пустить, но и его жмут отовсюду. Качается толпа, душится - чтобы баланду получить. Законную баланду.

Тогда Шухов делает иначе: прихватился к перилам слева, за столб руками взялся и - висит, от земли оторвался. Колену-то ногами в колени, а его по боку ударили, обругали пару раз, а он уже пронырнул: одной ногой стал на крыльцо у верхней ступеньки и ждёт. Тут его увидели свои ребята, руки протянули.

Завстоловой, уходя, из дверей обернулся: "Давай, Хромой, еще две бригады !"

"Сто четвёртая !" крикнул "Хромой". "А ты куда, пацаль, лезешь ?" И - палкой по шее того, чужого !

"Сто четвёртая !" кричит Павло, своих пропускает.

"Фу-у-у..." пробился Шухов в столовую. И, не ожидая пока Павло ему скажет - за подносами, поднос свободные искать.

В столовой, как всегда, - пер клубами от дверей, за столами сидят один к одному, как семечки в подсолнухе, между столами бродят, толкаются. К этому Шухов уже давно привык. Глаз у него острый, видит: №-208 несёт на подносе пять мисок всего, значит - последний поднос в бригаде. Догнал его и в ухо наговаривает:

"Я на поднос - за тобой, братец !" - "Да там, у окошка, ждёт один, я обещал..." - "А пусть ждёт, пусть не севаёт !" Договорились.

Донёс до места, разгрузил. Шухов схватился за поднос, но и тот, другой прибежал, которому обещано было, за другой конец подноса схватился. А сам - слабее Шухова. Шухов его туда же подносом двинул, куда тот тянул, он и отлетел к столбу, с подноса руки сорвались. Шухов - поднос подмышку, и бегом к раздаче.

Павло в очереди у окошка стоит, без подносов скучает. Обрадовался: "Иван Демисович !" и переднего помбрига 27-ой подталкивает: "Пусти, чего зря стоишь ? У меня подносы есть".

А тут - видят: и Голчик поднос несёт. "Прозевали они, а я утянул !" - смеётся. Из него, из Голчика - правильный лепорник выйдет. Еще года три подучится, подрастёт, и меньше, как хлеборезом не будет.

Второй поднос Павло приказал взять Ермолаеву, здоровому сибиряку (тоже - за плен десятку получил). Голчика послал искать - на каком столе кончают есть. А Шухов поставил свой поднос углом в раздаточное окошко и ждёт. "104-ая !"

докладывает Павло в окошко.

Всего окошек - пять: три общих раздаточных, одно для тех, кто по списку кормится (больных язвой - человек десять, да вся бухгалтерия - "по благу"), еще одно - для возврата посуды (около этого окна дерутся - кому миски лизать). Окошки не высоки - чуть выше пояса. Самых поваров через них не видно, только руки их видно. Руки у поваров белые, волосатые, здоровые. Настоящий боксер - а не пбвар. Взял карандаш и у себя на стенке отметил: 10ц - 2ц.

Смотри - а Пантелеев-то - пришёл в столовую! И совсем он не болен, сука!

Повар взял громадную ложку литра на три и ею - в баке мешать, мешать. И, перехватив ложку на 750 грамм, начал ею, далеко не захватывая, черпать. Раз, два, три, четыре...

Шухов заметил - какие миски полные, пока еще гуща на дне бака не осела и какие "по-холостому" - одна жидкость. Поставил на своём подносе 10 мисок и понёс. Гопчик ему машет: "Сюда, Иван Денисович, сюда!"

Миски нести - не рукавом махать. Медленно, осторожно Шухов ступает, чтобы не разлить, всё больше горлом работает: "Эй ты, Хэ-920! Берегись, дядя! С дороги, парень!"

В такой толпе и одну миску, не разлив, трудно пронести, а тут - десять! И всё же Шухов мягко поставил поднос на освобождённый Гопчиком конец стола и не разлил ничего. И еще сообразил - каким концом, каким поворотом поставить, чтобы к углу подноса, где сейчас сам сядет, были две миски с гущей.

И Ермолаев десять принёс. А Гопчик побежал и с Павлом последних четыре принесли в руках.

А Кильгас принёс хлеба на подносе. Сегодня по работе кормят: кому - 200, кому 300, а Шухову - 400. Взял себе 400 и на Цезаря 200.

Тут и бригадники со всей столовой стали подходить получать ужин, а уж ешь - там, где сядешь. Шухов миски раздаёт, запоминает - кому дал, и на свой угол подноса смотрит. В одну из густых мисок опустил ложку - значит, занял. Фетюков свою миску одним из первых взял и ушёл: понял, что в бригаде сейчас лишнего не получишь, а лучше будет по всей столовой походить, пошакалить - может быть, кто-нибудь не доест (если кто-нибудь не доест и миску от себя отодвинет - как коршун за неё хватаются, иногда сразу несколько).

Подсчитали с Павлом порции, - как будто, правильно. Для Андрея Прокофьевича - Шухов подсунул миску из густых, а Павло перелил в узкий немецкий котелок с крышкой: его можно под бушлатом пронести, к груди прижав.

Отдали подносы. Павло сел со своей двойной порцией, и Шухов со своими двумя. И больше у них ни о чём разговору не

было, святые минуты настали.

Снял Шухов шапку, на колени положил. Проверил одну миску ложкой, проверил другую. Ничего... и рыбка кое-где. Вообще-то по вечерам баланда гораздо жиже, чем утром: утром зэка надо накормить, чтобы он работал, а вечером - он и так уснёт.

Начал он есть. Сперва одну жидкость пил, пил... Как пошло горячее, как разлилось по его телу - всё внутри даже как-то дрожит, идёт навстречу баланде. Хор-р-рошо-о-о ! Вот он, короткий миг, для которого и живёт зэк !

Сейчас Шухов ни на что не в обиде: ни оттого, что срок долгий, ни на то, что день долгий, ни на то, что воскресенья опять не будет. Сейчас он думает: п е р е ж и в ё м ! Переживём всё, даст Бог - всё кончится !

Отпив из одной и из другой миски жидкость, он вторую миску перелил в первую и еще ложкой подчистил. Так оно как-то спокойнее - о второй миске не думать, не стеречь её глазами, не стеречь её рукой.

Освободились глаза, - на соседние миски посмотрел. Слева, у соседа - так себе, одна вода. Вот гады что делают - свои же зэки !

И начал Шухов есть капусту с остатками жидкости. Выловил одну картошинку - на две миски одна, в Цезаревой миске была. Средняя такая картошка, морозеная, твердоватая, конечно, и сладкая. А рыбки - почти нет, только изредка косточки падаются. Но и каждый рыбий скелетик надо пережевать - сок из него высосать надо, сок - полезный. На всё это, конечно, время нужно, но Шухову спешить сейчас некуда, сегодня - праздник: в обед две порции, и в ужин две порции "оторвал". Ради такого дела все остальные дела можно оставить.

А не сходить ли к латышю за табаком ?.. До утра табаку может и не остаться.

Ужинал Шухов без хлеба: две порции, да еще с хлебом - это уж слишком сытно будет, хлеб пусть на завтра пойдёт. Брэхо - злодей: старого добра не помнит, завтра опять попробует.

Шухов доедал свою баланду и не особенно старался замечать - кто вокруг, потому что не надо было: ни за чем новым он не охотился, а ел своё законное. И всё же он заметил, как прямо через стол - против него - освободилось место и сел высокий старик Ю-81. Шухов знал, что он из 64-ой бригады, а в очереди в посылочной он слышал, что 64-ая-то и ходила сегодня вместо 104-ой на весь день на Соцгородок и без обогрева тянула колючую проволоку - сама себе зону строила. Об этом старике Шухову говорили, что он по лагерям да по тюрьмам сидит несчётно, и ни одна амнистия его не коснулась, а как только одна десятка кончалась - так сразу же ему новую давали.

Теперь Шухов рассмотрел его вблизи. Из всех сторблен-ных лагерных спин его спина отличалась прямизнбу, и за сто-лом казалось, что он еще что-то под себя на скамейку подло-жил. На его голой голове давно уже нечего было стричь - все волосы вылезли от хорошей жизни. Глаза старика не бе-гали по всей столовой, не следили за всем, что в ней делалось, а поверх Шухова невидяще уставились в своё. Он медленно ел свою баланду деревянной ложкой, но не так, как все: не уходил в миску всей головой, а высоко подносил ложку ко рту. Зубов у него не было ни сверху ни снизу - ни одного. Лицо его было всё истощенб, но не до слабости "фитиля"-инвалида, а до тёсаного камня, тёмного камня. И по рукам - большим, в трещи-нах и черноте, видно было, что за все эти годы немного уда-лось ему посидеть в "придурках". Но сидит всё-таки в нём, не примирится: не кладёт трёхсот грамм своих на грязный стол, а кладёт на чистую, вистиранную тряпочку.

Однако, некогда было Шухову разглядывать его. Окончив есть, облизав ложку и засунув её в валенок, он надел шапку, встал, взял хлеб - свой и цезарев - и вышел. Выход из столо-вой был через другое крыльцо, и там стояли двое дневальных, которые только и делали, что - снять крючок, выпустить людей и снова крючок набросить.

Вышел Шухов с полным брѣхом, довольный собой, и решил так, что, хотя отбой будет скоро, а надо всё же сбежать к ла-тышу. И, не закося хлеба в девятый барак, он широко зашагал в сторону седьмого барака.

На небе стоял месяц - чистый и белый, как будто - вѣ-резанный. Всё небо было чистое. И кое-где - звёзды, самые ягкие. Но смотреть на небо у Шухова было еще меньше време-ни. Он понимал одно - что мороз не перестает. Кто-то от вольных слышал, что к вечеру ждут тридцати градусов, к утру до сорока. А ветру - не было.

Самосад Шухов должен был купить, как и раньше покупал, рубль - стакан, хотя на воле такой стакан стоил три рубля, а по сорту и дороже. В каторжном лагере все ценн были свои, ни на что не похожие, потому что денег здесь нельзя было держать, были они - мало у кого и очень были дороги. За ра-боту в этом лагере не платили ни копейки (в Усть-Ижме хоть 30 рублей Шухов получал). А если кому-нибудь родственники по почте присылали, тех денег всё равно не давали, а зачис-ляли на счёт. Со счёта можно было раз в месяц покупать туалетное мыло, гнилые пряники и сигареты "Прима". Нравится товар - не нравится, - а на сколько пишешь начальнику за-явление - на столько и покупай. Не купишь - всё равно про-пали деньги, со счёта уже списаны.

К Шухову деньги приходили только от частной работы: тапочки сошьёт из тряпок - 2 рубля, фуфайку починит - тоже,

по уговору.

Седьмой барак - не такой, как девятый, не из двух больших половин. В седьмом бараке - длинный коридор, из него - десять дверей, в каждой комнате - бригада. Ну, еще кабина под парашной и кабина старшего по бараку. Да еще художники живут в кабине.

Зашёл Шухов в ту комнату, в которой его латыш живёт. Латыш лежит на нижних нарах, ноги наверх поставил и с соседом по-латышски говорит. Шухов к нему подсел. Здравствуйте, мол. Здравствуйте... тот ног не спускает. А комната - маленькая, все сразу прислушиваются: кто пришёл, зачем пришёл. Оба они это понимают, и поэтому Шухов сидит и тянет: ну, как, мол, живёте, как дела? Да ничего себе... Холодно сегодня... Да, холодно.

Дождался Шухов, что опять все своё заговорили (про войну в Корее спорят: оттого, мол, что китайцы вступились - будет мировая война или нет), наклонился к латышу: "Самосад есть?" - "Есть" - "Покажи".

Латыш ноги снял, опустил их в проход, приподнялся. Скупой этот латыш: когда стакан насыпает, всегда боится на одну закурку больше положить. Показал Шухову. Взял Шухов на ладонь, видит - тот же самый, что и в прошлый раз. А латышу сказал: "На тот - не похож". "Тот, тот!" - рассердился латыш. "У меня другой сорт нет никогда, всегда один". "Ну, ладно", согласился Шухов, "ты мне стаканчик набей, я закурю; может быть, и второй возьму".

Он потому сказал - набей - что тот только легко насыпает. Достал латыш из-под подушки еще мешочек и стаканчик свой из тумбочки вынул. Стаканчик, хотя и пластмассовый, но Шуховым измеренный, равен стеклянному. Сбллет.

"Да ты же нажми, нажми!" - Шухов ему и сам пальцем помогает, жмёт. "Я - сам знай!" - сердито отвечает латыш и сам нажимает пальцем - он это мягче делает. И опять сбллет. А Шухов тем временем фуфайку расстегнул и нашёл внутри, в подкладочной вате, бумажку. И, переталкивая её двумя руками по вате, гонит её к маленькой дырочке, совсем в другом месте и чуть-чуть, двумя нитками, подшитой. Подогнав к этой дырочке, он оторвал нитки ногтями и вынул бумажку. Два рубля. Старенькие.

А в комнате кричат: "...пожалает вас батька усатый! Он - брату родному не поверит, не то, что вам, лопухам!"

Что в каторжном лагере хорошо - свободн здесь больше. В усть-ижменском - скажешь, например, что на воле спичек нет... скажешь шпотом, а тебя сажают, новую десятку дадут. А здесь - кричи с верхних нар что хочешь - стукачи этого не доносят, оперы - рукой махнули. Только некогда здесь много толковать...

"Эх, легко кладёшь..." жаловался Шухов. "На, на!" прибавил латыш сверху.

Шухов вынул из внутреннего карманчика свой мешочек и пересыпал туда самосад из стакана. "Ладно", решил он, не желая первую сладкую папиросу курить на бегу "Набивай уж и второй!"

Снова поспорив немного, пересыпал он себе и второй стакан, отдал два рубля, кивнул латышу и ушёл.

А выйдя на двор - сразу бегом и бегом к себе. Чтобы не пропустить Цезаря, когда тот с посылкой вернётся.

Но Цезарь уже сидел у себя на койке над посылкой. Что он принёс - было разложено у него на койке и на тумбочке, но туда не падал прямой свет от лампы, темновато там было.

Шухов наклонился, прошёл между койками кавторанга и Цезаря и протянул руку с вечерней порцией хлеба: "Ваш хлеб, Цезарь Маркович..." Он не сказал: "Ну, получили?" потому что это было бы намёком, что он очередь занимал и теперь имеет право на свою долю. Он и так знал, что имеет. Но даже после восьми лет общих работ - он не был шакалом, и чем дальше - тем крепче он утверждался.

Однако, глазам своим приказать он не мог. Его глаза, ястребинные глаза лагерника, обежали, проскользнули вмиг по разложенной на койке и тумбочке цезаревской посылке, и, хотя бумажки не были развёрнуты совсем, а некоторые мешочки закрыты - этим быстрым взглядом и нюхом Шухов невольно узнал, что Цезарь получил колбасу, сгущённое молоко, толстую копчёную рыбу, сало, сухарики с запахом, печенье еще с другим запахом, пыленый сахар (килограмма два), и еще сливочное масло, потом - сигареты, трубочный табак, и это еще было не всё.

И всё это он понял за то короткое время, когда он сказал: "Ваш хлеб, Цезарь Маркович!"

А Цезарь - взволнованный, словно пьяный (всякий становится таким, получив продуктовую посылку) махнул на хлеб рукой: "Возьми его себе, Иван Денисович!"

Баланде да еще 200 грамм хлеба - это было полным ужином и уж, конечно, полной долей Шухова от цезаревой посылки.

И Шухов сразу, как отрезав, не стал больше ждать для себя ничего из разложенного Цезарем. Хуже того нет, когда брюхо раскроешь - и попусту.

Вот 400 грамм хлеба, да еще 200, да в матрасе не меньше двухсот. И хватит. 200 - сейчас, завтра утром - 550 уничтожить, 400 - взять на работу... вот жизнь!!! А тот, в матрасе, пускай еще полежит. Хорошо, что Шухов зашил - из тумбочки ведь в 75-ой спёрли, и жалуйся теперь - куда хочешь!

Некоторые так рассуждают: посылочник - тугой мешок, с посылочника - рви! А если разобратся - как приходит у него легко, так и уходит легко. Бывает, перед передачей и посы-

лочки рады лишнюю кашу получить. И докурить просят. А потом - надзирателю, бригадиру, да и придурку посылочному как не дать? Ведь он твою посылку в следующий раз так запрятает, что её с неделю в списке не окажется. А каптёру в камеру хранения - кому все продукты сдаются - это куда вот Цезарь завтра перед разводом в мешке посылку понесёт (и от воров, и от обыска, и начальник так приказал), - если этому каптёру хорошо не дашь, так он у тебя больше по кусочкам утянет. Целый день там сидит, крыса, с чужими продуктами запершись, пойдя да проверь его! А потом - за услуги, как например Шухову? А банщику, чтобы тебе отдельное хорошее бельё давал - разве не надо? А парикмахеру, который тебя с бумажкой бреет (т.е. бритву не о колено твоё голое, а о бумажку вытирает) - много-не много, а три-четыре сигареты надо тоже дать? А в КВЧ, чтобы ему письма отдельно откладывали, не теряли? А захочется денёк в зоне на боку полежать - доктору поднести надо. А соседу, который с тобой за одной тумбочкой ест, как кавторанг с Цезарем, - ну, как же ему не дать? Ведь он каждый твой кусок считает, тут и бессовестный не сможет, даст.

Так что - пусть завидует тот, кому в чужих руках всегда редька толще, а Шухов - он понимает жизнь и на чужое добро брюха не раскрывает.

Тем временем он снял валенки, залез наверх, достал кусок пилы из рукавицы и решил, что завтра поищет хороший камень и на том камне станет точить этот кусок, чтобы сапожный нож сделать. Если утром и вечером посидеть, дня за четыре славный ножище можно будет сделать, с кривым острым лезвием. А пока, и до утра даже, надо этот кусок спрятать. И в своей же койке, под планку его засунуть. И пока кавторанга внизу нет - значит, сор ему в лицо не насыплешь, Шухов снял свой тяжёлый матрас, наполненный не стружками, а опилками и стал прятать туда кусок пилы. Соседи-то его по верху видели: Алёшка-балтист и дальше - два брата-эстонца. Но их Шухов не боялся.

Прошёл по бараку фетюков, всхлипывая. Голову опустил. На губе - кровь. Опять значит - побили его там за миски. Ни на кого не глядя и не скрывая своих слёз, прошёл мимо всей бригады и залез наверх, голову спрятал в матрас.

Если разобраться - так жаль его. Срока ему - не дожить. Не умеет он себя поставить.

Тут и кавторанг появился - весёлый, пришёл в котелке чаю, особого чаю. В бараке стоят две бочки с чаем, да разве это чай?!.. Тёплый и подкрашенный, а запах от него - деревом пахнет (от бочки) и гнилью. Это - чай для простых рабочих. Ну, а Буйновский взял, значит, у Цезаря настоящего чаю, бросил в котелок, сбегал за кипятком. Довольный такой, устра-

ивается сейчас внизу за тумбочкой. Хвастает: "Чуть пальцев не обжёг!"

Так, внизу, Цезарь разворачивает лист бумаги, кладёт на него одно, другое. Чтобы не видеть, не расстраиваться, Шухов закрыл матрас. Но без Шухова у них там дела не идут. Поднимается Цезарь во весь рост в проходе, глазами - на Шухова и подмаргивает: "Денисович! Там... "десять суток" дай!" - это значит: дай им складной ножичек. И такой есть у Шухова, он и его тоже в койке под планкой держит. Ножичек - маленький, а режет, мерзавец, сало в пять пальцев толщиной! Шухов сам тот ножичек сделал. Полез, вынул нож, дал. Цезарь кивнул, скрылся.

Вот и нож - тоже заработок. За хранение его - карцер. Это вот у кого вовсе человеческой совести нет, тот может так: дай, мол, нам ножик, мы будем колбасу резать, а тебе - хрен в рот.

Покончив с хлебом и ножами, следующим делом Шухов вытащил мешочек с табаком. Взял оттуда щепоть, столько, сколько раньше занимал и протянул эстонцу: спасибо, мол.

Эстонец растянул губы, как будто - улыбнулся, что-то своему брату сказал, и завернули они эту щепоть отдельно в цыгарку - попробовать, значит, что за шуховский табачок. Не хуже вашего - пробуйте на здоровье! Шухов бы и сам попробовал, но какими-то часами там, внутри себя, почувял, что до проверки остаётся совсем мало. Сейчас самое такое время, когда надзиратели бродят по баракам. Чтобы покурить - надо сейчас в коридор выходить, а Шухову наверху, у себя на кровати, как будто теплее. В бараке ничуть не тепло, и тот же лёд по потолку. Ночью - замёрзнешь, но пока кажется ничего...

Начал Шухов понемногу хлеб отламывать от двухсотграммовки, а сам нехотя слушал, как внизу, под ним, разговорились за чаем кавторанг с Цезарем.

"Кушайте, капитан, кушайте, не стесняйтесь! Берите вот рубки копчёной... колбасу берите" - "Спасибо, беру" - "Батон маслом мажьте. Настоящий московский батон!" - "Ай-ай-ай, просто не верится, что где-то еще пекут батоны. Вы знаете, такое внезапное изобилие напоминает мне один случай - приезд как я раз в Архангельск..."

В половине барака стоял шум от двухсот глоток, но всё же Шухов различил - как будто о рельс звонили. Но не слышал никто. И еще заметил Шухов: вошёл в барак надзиратель, совсем молодой парень. Держал он в руках бумажку, и по этому было видно, что он пришёл не курьльщиков ловить, не на проверку выгонять, а что он кого-то искал. Надзиратель посмотрел на бумажку и спросил: "Юд-ая - где?" - "Здесь" ответил ему. А эстонцы - папиросу спрятали и дым разогнали.

"А бригадир где?" - "Ну?" еле спустив ноги с койки, спросил Тюрин. "Объяснительные записки - написали кому надо было?" - "Пишут!" уверенно ответил Тюрин. "Уже сдать нужно было?" - "У меня - малограмотные... дело нелёгкое. (Это он - про Цезаря и кавторанга! Ну, и молодец же бригадир, никогда за словом в карман не лезет). Ручек нет, чернила нет..." - "Надо иметь!" - "Отбирают". "Ну, смотри, бригадир, много будешь говорить - и тебя посажу!" вёсело объявил надзиратель. "Чтобы завтра утром до развода объяснительные записки были в надзирательской! И указать, что не-дозволенные вещи все сданы в каптёрку личных вещей. Понятно?" - "Понятно".

"Повезло кавторангу!" - подумал Шухов. А сам кавторанг и не слышит ничего, над колбасой там соловьём залива-ется...

"Теперь так..." сказал надзиратель. "Ще-311... есть у тебя такой?"

"Надо по списку посмотреть..." темнит бригадир "Разве же их запомнишь, номера собачьи? (Бригадир тянет, хочет Буйновского хотя на одну ночь спасти, до проверки дотянуть)".

"Буйновский - есть?"

"А?... Я!" отозвался капитан из-под шуховской койки.

"Ты? Ну, правильно: Ще-311... собирайся".

"Куда?"

"Сам знаешь!"

Только вздохнул капитан. Должно быть, тёмной ночью в бурное море легче ему было эскадру миноносцев выводить, чем сейчас от дружеской беседы - в ледяной карцер.

"Сколько суток-то?" упавшим голосом спросил он.

"Десять... Ну, давай, давай, быстрее!"

И тут же закричали дневальные: "Проверка! Проверка! Выходи - и - и на проверку!"

Это значит, что надзиратель, которого послали проверку проводить, уже в бараке.

Обернулся капитан - брать бушлат? Так бушлат там отнимут, одну фуфайку оставят. Выходит - как есть, так и иди. Надеялся капитан, что Волковой забудет (а Волковой никогда никому ничего не забывает) и не приготовился, даже табачку себе в фуфайку не спрятал. А в руку брать - пустое дело, при обыске сейчас же отберут.

Всё таки, пока он шапку надевал, Цезарь ему пару сигарет сфунул.

"Ну... прощайте, братцы!" растерянно кивнул кавторанг 104-ой бригаде и пошёл за надзирателем. Крикнули ему в несколько голосов: кто - "держись, мол", кто - "не теряйся", а что ему скажешь? Сами строили БУР, знает 104-ая: стены

там каменные, пол - цементный, окошка нет никакого, печку топят - только, чтобы лёд со стенки стоял и на полу лужей стоял. Спать - на голых досках, хлеба в день - 300 грамм, а баланда только на третий, шестой и девятый дни.

Десять суток ! Десять суток здесьнего карцера, если отсидеть их строго и до конца - это значит на всю жизнь здоровья лишиться... Туберкулёз, и из больниц уже не вылезешь.

А те, кто по пятнадцати суток строгого ареста отсидел... те уже давно в сырой земле.

Пока в бараке живёшь - молись от радости, и не попадайся !

"А ну - выходи... считая до трёх !" кричит старший барака. "Кто до трёх не выйдет - запишу номера и гражданину надзирателю передам !"

Старший барака - вот еще свблочь старшая !.. Подумай ведь: запирают его вместе с нами на всю ночь, а держится начальством и никого не боится. Наоборот, все его боятся. Кого продаст надзирателям, кого - сам в морду стукнет. Считается инвалидом, потому что у него один палец оторван в драке, а по морде - урка. Он и есть урка, сидит по уголовной статье, но среди других статей привесили ему еще и 58-ую, параграф 14-ый, потому и попал в этот лагерь.

И очень возможно, что сейчас же на бумажку запишет и надзирателю передаст - вот тебе и карцер на двое суток с вболом. Сначала медленно тянулись к дверям, а тут густо пошли, а с верхних коек - прыгают медведями и все идут к узким дверям.

Шухов, держа в руке уже сироченную, давно желанную, цыгарку, ловко прыгнул, сунул ноги в валенки и уже хотел идти, но пожалел Цезаря. Не заработать еще от Цезаря хотел, а просто пожалел от всей души: много он о себе, пожалуй, думает, а жизни - не понимает ничуть - получив посылку, не возиться с ней надо, а до проверки нести скорее в камеру хранения. Поест - можно отложить. А теперь - что вот Цезарю с посылкой делать ? Весь мешок с собой на проверку не возьмёшь - смех ! - в пятьсот глоток смех будет. Здесь оставить - сопрут, кто первым с проверки в барак вбежит. (В Усть-Ижме еще строже правила были: там, возвращаясь с работы, блатные опередают, и пока задние войдут - их тумбочки уже обчищены).

Видит Шухов - Цезарь тых-мык, но уже поздно. Кладёт себе за пазуху колбасу и сало - хоть с ними-то на проверку зйти, хоть их спасти. Шухов пожалел и научил: "Сиди, Цезарь Маркович, до последнего, спрячься там, в темноте до последнего и сиди. Только, когда надзиратель начнёт с дневальными койки обходить, во все дырки заглядывать, вот тогда выходи. Скажи - больной, мол. А я выйду первым и вскочу первым. Вот как..."

И убежал.

Сперва проталкивался Шухов круто (оберегая, однако, цыгарку в кулаке). В коридоре же, общем для двух половин барака, никто уже вперёд не спешил (хитрое племя!), а прислонились к стенам в два ряда справа и слева, и только проход посредине на одного человека оставили пустым: проходи на мороз - кто дурак-а мы - и тут побудем. И без этого целый день на морозе, да еще сейчас лишних десять минут мёрзнуть? Дураков, мол, нет. Подожди ты сегодня, а я лучше завтра.

В другой раз и Шухов вот так жмётся к стеночке. А сейчас выходит широким шагом, да еще смеётся: "Чего испугались, придурки? Сибирского мороза не видели? Выходи на волчье солнышко греться! Дай, дай прикурить, дядя!"

Прикурил и вышел на крыльцо. "Волчье солнышко" - так у Шухова в деревне в шутку месяц зовут.

Высоко-о-о месяц вылез! Вот еще столько - и на самом верху будет. Небо - белое, звезды - яркие и редкие. Белый снег блестит, стены бараков - тоже белые, и фонари даже слабо светятся. Вон у того барака - густая толпа, выходят строгиться. И у другого - тоже. И от барака к бараку не так разговор гудит, как снег скрипит.

Спустившись со ступенек, стало лицом к двери пять человек, а за ними - еще трое. К тем трём, во вторую пятёрку, Шухов и пристроился. Поев хлеба, да с папиросой в зубах, здесь можно стоять. А хороший табак - не обманул латыш! И крепкий и душистый...

Понемножку еще из дверей тянутся, сзади Шухова уже пятёрки три. Теперь - кто вышел, тех зло разбирает: отчего те гады стоят в коридоре, не выходят? Из-за них мёрзни!

Часов никто из эков никогда и в глаза не видит, да и зачем они, часы? Эку надо знать только - скоро ли будет подъём? Сколько до развода? До обеда? До отбоя?

Всё же говорят, что вечерняя проверка бывает в девять. Только не кончается она в девять никогда, проводят проверку по второму, по третьему разу. Раньше десяти часов не заснёшь. А в пять часов, говорят, подъём бывает. И не удивительно, что молдаванин сегодня перед уходом заснул. Где эк согреться - там сразу и засыпает. За неделю наберёт этого недоспанного сна, так если в воскресенье не заставят работать - спят целыми бараками.

Эх, и пошли же! Пошли эки с крыльца! Это старший барака вместе с надзирателем их в задь толкает. Так их, зверей!

"Что?" кричат им первые ряды. "Комбинируете, гады? С дерьма сметану снимаете? Вышли бы давно - давно бы и посчитали!"

Выгнали весь барак наружу. Четыреста человек в бараке - это восемьдесят пятёрок. Выстроились все в хвост, сперва по

пяти строго, а там - как попало.

"Эй, разберись там, сзади !" старший барака кричит со ступёнок.

Эх, хрен, - не разбираются черти !

Вышел из дверей Цезарь, как будто больной, за ним двое дневальных с той половины барака, двое с этой и еще хромо́й один. В первую пятёрку они и стали, так что Шухов в третьей оказался. А Цезаря в хвост погна́ли.

И надзиратель вышел на крыльцо.

"По пяти-и-и рассчитайся !" - кричит хвосту, а глотка у него - здоровая !

"По пяти рассчитайся !" старший барака кричит, у него глотка еще здоровее.

Не рассчитываются, хрен тебя возьми ! Сорвался старший барака с крыльца - и туда, да матом, да в спины ! Но - смотрит: кого, - только смирных бьёт. Рассчитались. Вернулся. И вместе с надзирателем: "Первая ! Вторая ! Третья !" Какую назовут пятёрку - та со всех ног в бараки ! На сегодня рассчитались с начальником !

Рассчитались бы, если без второй проверки. Дармоёды эти, лбы широкие, ведь они хуже любого пастуха считают: тот хоть и неграмотный, а стадо гонит, на ходу знает - все ли телята. А этих - и натаскивают, да всё без толку.

Прошлую зиму в этом лагере сушилок вовсе не было, на ночь обувь у всех в бараке оставалась, - так вторую, и третью, и четвёртую проверку на улицу выгоняли. Уже не одевались, а просто так, в одеяла укутанные выходили. С этого года сушилки построили, не на всех, но через два дня на третий каждой бригаде можно валенки сушить. Так теперь по второму разу стали считать в бараках: из одной половины в другую перегоняют.

Шухов хотя и не первым вбежал, но уже сразу не спуская глаз. Добежал до цезаревой койки, сел... Сорвал с ног валенки, влез наверх и оттуда свои валенки на печку поставил. Тут - кто раньше место займёт. И - сразу назад, к цезаревой койке. Сидит, ноги поджав, одним глазом смотрит, чтобы цезарев мешок из-под подушки не вынули, другим глазом - чтобы его валенки не сбросили с печки те, кто печку штурмует.

"Э-эй ты, режый !" пришлось крикнуть. "А что, если валенком в морду ? Ставь свои, а чужих не трогай !"

Бегут, бегут в бараки эски... В 20-ой бригаде кричат: "Сдавай валенки !" Сейчас их с валенками из барака выпустят, бараки запрут. А потом будут бегать: "Гражданин начальник, лустите в бараки !"

А надзиратели - сойдутся в штабном бараке и по дощечкам начнут свою бухгалтерию сводить, убежал ли кто-нибудь или все на месте.

Но Шухову сегодня до этого дела нет. Вот и Цезарь к себе между койками ныряет. "Спасибо, Иван Денисович!" Шухов кивнул и, как белка, быстро залез наверх. Теперь можно двухсотграммку доедать, можно вторую папиросу выкурить, можно и спать.

Только - от хорошего дня развеселился Шухов, даже, как будто, и спать не хочется!

Кровать постелить - для Шухова дело простое: снять чёрное одеяло с матраса, лечь на матрас (на простыне Шухов не спал, должно быть, с сорок первого года, когда из дому пришёл; ему странно даже - зачем бабы простынями занимаются, лишняя стирка!), голову - на подушку из стружек, ноги - в фуфайку, сверх одеяла - бушлат, и - слава Тебе, Господи, еще один день прошёл! Спасибо, что не в карцере нужно спать, здесь-то - еще можно...

Шухов лёг головой к окну, а Алёшка - здесь же, близко, только в обратную сторону головой, чтобы ему от лампочки свет доходил - Евангелие опять читает. Лампочка от них не так далеко - можно и читать, и шить даже можно.

Услышал Алёшка, как Шухов вслух Бога похвалил и обернулся: "Вот ведь, Иван Денисович, душа-то ваша просится Богу молиться... Почему же вы ей воли не даёте, а?"

Посмотрел Шухов на Алёшку - глаза, как две свечки светятся. Вдохнул. "Потому, Алёшка, что молитвы эти, как заявления - или не доходят, или же - "в жалобе отказать"!"

Перед штабным баракком - есть такие четыре ящика, опечатанные, раз в месяц из них уполномоченный вынимает. Многие в эти ящички заявления бросают. Ждут, время считают: вот через два месяца, вот через месяц - ответ придёт... А его - нету. Или же - "отказать".

"Вот потому, Иван Денисович, что молились вы мало, плохо, без усердия, вот потому-то и не вышло по вашим молитвам. Молитва должна быть усердной! И если будете веру иметь и скажете этой горе - "перейди!" - перейдёт".

Усмехнулся Шухов и еще одну папиросу свернул. Прикурил у эстонца.

"Брось ты, Алёшка, трепаться! Не видал я, чтобы горы ходили. Ну, признаться хотя, я и гор-то самих не видал. А вы вот на Кавказе всем своим баптистским клубом молились - хоть одна гора перешла?.."

Эх, тоже - бедняги: ну, кому они мешали, что Богу молились? Всем - по 25 лет сунули. Потому что теперь такая пора: 25, одна мерка.

"А мы - об этом не молились, Денисович..." говорит Алёшка. Перелез со своим Евангелием поближе к Шухову, к самому лицу его. "Из всего земного молиться нам Господь завещал только о хлебе насущном - "Хлеб наш насущный даждь нам

днесь !"

"Паёк, значит ?" спросил Шухов.

А Алёшка - своё, глазами уговаривает больше слов и еще за руку трогает, гладит: "Иван Денисович ! Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтобы лишняя порция баланды... Что у людей - высокб, перед Богом - мерзость ! Надо молиться о духовном: чтобы Господь с нашего сердца накипь злую снимал..."

"Вот слушай лучше: у нас в поломенской - поп..."

"О попе твоём - не надо !.." просит Алёшка, от боли даже лоб искажился.

"Нет, ты всё же послушай..." - Шухов на локте приподнялся. "В Поломне, в нашем приходе, богаче попа - нет человека. Вот, скажем, зовут крышу ставить... так с людей по 35 рублей в день берём, а с попа - сто. И хоть бы слово сказал. Он - поп поломенский, трём бабам в три города алименты платит и с четвёртой семьёй живёт. И архиерей областной у него на крючке, жи-и-ирную лапу наш поп архиерею даёт. И всех других попов, сколько их ни прислали, выживает, ни с кем не хочет делиться..."

"Зачем ты мне о попе ? Православная Церковь отошла от Евангелия. Их сюда не сажают, потому что вера у них нетвёрдая".

Шухов спокойно смотрел, куря, на алёшкино волнение.

"Алёша..." отвёл он его руку, надымив ему в лицо. "Я же не против Бога, понимаешь ?.. В Бога я охотно верю... Только вот не верю я в рай и в ад. Зачем вы нас за дурачков считаете, рай и ад нам обещаете ? Вот что мне не нравится".

Лёг Шухов опять на спину, пепел осторожно между койкой и окном выбрасывает так, чтобы кавторанговые вещи не прожечь. Задумался - и не слышит что там Алёшка лопочет...

"В общем..." решил он - "сколько ни молись, а сроку - не снимут... Так от звонка до звонка и просидишь !"

"А об этом - и молиться не надо !" - ужаснулся Алёшка. "Ну, зачем тебе свобода ? На свободе - твоя последняя вера тернием заглохнет ! Ты радуйся, что ты - в тюрьме ! Здесь тебе есть время о душе подумать ! Апостол Павел вот как говорит - что вы плачете и сокрушаете сердце моё ? Я не только хочу быть узником, но - готов умереть за имя Господа Иисуса ! -"

Шухов молча смотрел в потолок. Он уже и сам не знал - хотел ли он свободы или нет... Сначала-то очень хотел и каждый вечер считал: сколько дней прошло, сколько осталось. А потом - ясно стало, что домой таких, как он, не пускают, гонят в ссылку. И где ему будет жизнь лучше - тут ли, там ли - неизвестно. Только того и хотелось бы ему на свободе, что -

домой ! А домой - не пустят...

Не врёт Алёшка... И по голосу его и по глазам видно, что рад он в тюрьме сидеть.

"Видишь, Алёшка..." объяснил ему Шухов, "у тебя как то ладно получается: Христос тебе сидеть велел, за Христа ты и сел... Ну, а я - за что сел ? За то, что в сорок первом году к войне не приготовились, за это ? А я тут при чём, а ?"

"Что-то второй проверки нет..." Кильгас со своей койки заворчал.

"Да-а-а..." отозвался Шухов. "Это надо в трубе углем записать, что второй проверки нет..." И зевнул. "Спать надо". И тут же в утихающем бараке услышали шум внешней двери. Вбежали из коридора двое, те, кто валенки относил, и кричат:

"Вторая проверка !"

Тут и надзиратель им вслед:

"Выходи на ту половину !"

А некоторые ведь уже и спали. Заворчали, задвигались, в валенки ноги суют (брж-то ватных - никто не снимает, без них под одеяльцем - замёрзнешь !)

"Тьфу - у - у ! Проклятые !" выругался Шухов. Но он не очень сердился, потому что еще не засыпал.

Пезарь высунул руку наверх и положил ему два печенья, два кусочка сахару и один крутлый ломтик колбасы.

"Спасибо, Пезарь Маркович !" нагнулся Шухов вниз, в проход. "А ну-ка - мешочек ваш дайте мне наверх под голову на всякий случай" (Сверху на ходу не сопрётся так быстро, да и кто станет искать у Шухова ?)

Пезарь передал Шухову наверх свой белый завязанный мешок. Шухов положил его под матрас и подождал еще, чтобы в коридоре на холодном полу босиком меньше стоять. Но надзиратель оскалился: "А ну там - в углу !" И Шухов мягко спрыгнул босиком на пол (уж так хорошо его валенки с портянками на печке стояли - жаль снимать было !). Сколько он тапочек шил - всё другим, себе не оставил. Но тапочки тоже отбирают, у кого днём найдут. И какие бригады валенки сдали в сушилку - тоже тем теперь хорошо, кто в тапочках, а то - в портянках одних или босиком.

"Ну-ну !" рычал надзиратель. "Чего ждёте, падаль ?" И старший барака - тут же.

Выгнали всех в ту половину барака, последних - в коридор. Шухов тут и стал у стеночки, около парашной. Под ногами его пол был мокрый, и тянуло холодом с крыльца.

Выгнали всех, и еще раз пришёл надзиратель и старший барака смотреть - не спрятался ли кто-нибудь, не спит ли в темноте. Потому что - не досчитаешь - беда, и пересчитаешь - беда... опять перепроверка. Обошли, вернулись к дверям. "Пер-

вый, второй, третий ! - Теперь уже быстро по одному впускают. Протолкнулся и Шухов восемнадцатым. И - бегом к своей койке, ногу забросил и - гоп ! И вот он уже наверху.

Ладно. Ноги - опять в рукав фуфайки, сверху - одеяло, сверху - бушлат...спим !!! Теперь всю ту вторую половину барака в нашу половину будут перегонять...да нам-то что ?..

Цезарь вернулся. Спустил ему Шухов мешок. Алёшка вернулся. Бедный он - всем помогает, а заработать не может.

"На, Алёшка !" и печенье ему одно дал. Улыбается Алёшка. "Спасибо, да у вас самих нет !"

"Е-е-е-е-шь!.. " Если у нас нет - так мы всегда зарабатываем...А сам - колбасы кусочек - в рот ! И зубами её ! Зубами ! Запах мяса ! И сок мясной - настоящий ! Туда, в живот пошло...

И - нет колбасы...

Остальное, решил Шухов, - перед разводом.

И укрылся с головой одеяльцем, тонким, нейлоновым, уже не прислушиваясь, как между койками из той половины набилось сюда эков - ждут, когда их половину проверят.

Засыпал Шухов вполне удовлетворённым. За сегодняшний день у него было много удач: в карцер не посадили, бригаду на Соцгородок не выгнали, в обед - лишнюю кашу получил, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов строил весело, не поймали с пилой при обыске, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, как-то перемогся...

Прошёл день ничем не омрачённый, почти счастливый...

Таких дней в его сроке - от звонка до звонка - было три тысячи шестьсот пятьдесят три.

Из-за високосных годов - три лишних дня набавлялось...

VOCABULARY

Words are listed in order of their appearance in the text

параша	portable latrine (close stool) in prison
дневальный	person on duty, charge of quarters
развод (караула) (на работы)	change of guard distributing workers in concentration camps
подработать подрабатывать	earn additionally (part time)
чехол	case, slip cover
рукавица (рукавицы)	mitten
валенок (валенки)	felt boots
миска	bowl
иней	frost (as seen on grass, leaves), not to be confused with мороз
бушлат	pea coat, short warm jacket (Navy)
фуфайка	sweater
сушилка	facility for drying clothing
улаживать уладить	fix up, smooth, arrange
нерасторопный	inefficient, slow
договариваться договориться	come to agreement
фитиль (фитили)	init. a wick, here: living wreck (Slang)
ворчать	grumble
надувать (кого, что) надуть	init. inflate; here: cheat, deceive (Slang)
гад, гадина	init. reptile; here: vile creature
опилки	sawdust

кáрцер	jail; in concentration camp a solitary cell
клоп (клопá)	bed bug
лáтка	patch
зек (зэки) з.к. или зэ-ка, т.е. заключённый	prisoner
брехáть сбрехнúть набрехáть	tell lies
пшенó	millet
пáда-ль	carrion
лáпоть (лáпти)	bast shoe
портáнка (портáнки)	foot wrapping, used instead of socks
ходить босикóм ходить босáм (босáй)	walk barefoot, barefooted
Цынгá	scurvy
кровáвый понос	bloody flux (medical), diarrhea with haemorrhage
шепелáвить шепелáвенье <u>шепелáвость</u>	lisp lispings
дерьмó	excrements
показúха	eye wash (slang)
балáнда	kind of soup in concentration camps
обалдúй	dumb-bell
крупá	groats
крапáва	nettle (stinging)
магáра	some sort of inedible food in C.C.
примéта	mark

придира́ться придра́ться	nag, harass, find faults (with)
зевать зевну́ть	yawn
зевать прозевáть	miss (opportunity)
самосáд	home made tobacco
"по левой"	"on the side" (slang)
вроде как...	sort of ...
челюсть	jaw
клумба	flower bed
дóхнуть, слы́хать, поды́хать сдóхнуть, поддóхнуть	to die (when referring to animals)
линейка	a ruler; here: formation area
вахта (стоять на вахте)	watch (Navy)
за пазуху за пазухой	in one's bosom (direction) " (location)
тумбочка	night-table
про себя (читать)	to oneself (not aloud)
щель (щели)	crack, narrow opening
гусько́м	in single file
ми́ро	chrism, consecrated oil
затя́гиваться затянúться	inhale (tobacco)
жа́дность	greediness
жа́дный	greedy
ве́ки (ве́ко)	eyelid

янтарь янтарный	amber
хмуриться нахмуриться	frown
хмурый (взгляд)	gloomy, sullen
плеть (или: плётка)	whip
драка (драться, подраться)	scuffle, brawl
устав (напр. "полевой устав")	manual (as the field manual)
щупать пощупать	feel, touch (with fingers)
баран (бараны)	ram
мбрда	snout, ugly face (vulg.)
полушубок	3/4 sheepskin coat
шуба	furcoat
тулуп	longer sheepskin coat
рбспись	wall painting, mural
сено	hay
косить скосить	mow, cut (grass)
сенокос	haymaking
трафарет (трафаретка)	template
гусар	hussard (of a hussard regiment)
развязность развязный	undue familiarity
нахальство нахальный нахал	impudence adj. impudent fellow
намордник	muzzle

кёрка		crust
ГУЛАГ (Главное Управление лагерей)		The G.C. Main Administration
дуб		oak
дубовый		adj.
"пёпка", попугай		parrot, slang expr. depicting
бдѣтельность	sentries on	the G.C. towers
бдѣтельный		vigilance
		vigilant
прораб (производитель работ)		foreman
свѣлочь		scum of the earth (vulg.)
"придурок"	slang expr. depicting a prisoner avoiding manual work, looking for an easier job in G.C. or prisons.	
крѣшка		crumb
душистый		fragrant
разлучаться		separate
разлучиться		
бурян		blizzard, snow-storm
сугроб		snow-drift
раствор		solution (chem.)
ТЭЦ (тепло-электро-централь)		
сани, сѣнки		sled
поросёнок (поросѣта)		piglet
сборные дома		prefabricated homes
толь		tar paper (as for roofing)
мастерок		trowel
обсчитывать		pad the count
обсчитѣть		
перепрыгивать	change hiding place	

"столби"	sort of "Aurelia borealis"
кёрка	pick, pickaxe
щёлка	chip, kindling
искра (уменьшит. йскорка)	spark
планка	plank
трап	ladder, gang-way, trap-ladder (Navy)
"процентёвка"	work report
плут	little rogue
телёнок (тэлята)	calf
ловкий	adroit, skillful
чертёнок (чертенята)	little devil
корыто	trough
шлакоблók	slag block, slag brick
упряжка	harness (as for draught animals)
самосвал	fork-lift
зрать позрать созрать	deavour (but more vulgar than the latter)
кoпáто (кoпáта)	hoof
хрипéть захрипéть	speak hoarsely (like L. Armstrong)
жéсть жестяной	tin adj.
перегорóдка	screen
"доходяга"	slang expr. in C.C.: completely exhausted
глодáть (кости)	ragged, a living wreck gnaw

локоть (локти)	elbow
козёл (уменьшит. козлёнок) козлята	goat (dimin.: kid)
изнывать (изнать)	languish
горсть (уменьшит. горсточка)	handful
клин	wedge
вклиниваться вклиниться	wedge one's way
сбиваться (со счёта, с ноги, в счёте) сбиться	get confused
совать сунуть	poke, shove
ворчать заворчать поворчать	grumble
под мышкой под мышку	under one's arm (location) " (direction)
добыча	prey
потрескавшийся	partially cracked
рубленая изба	hewed log-cabin
ладан	incense
гнусный (превосходн. степень: гнуснейший)	odious
подхалим подхалимствовать подхалимничать	boot-licker, brown-noser
нырять нырнуть	dive
подлец (подлец)	scoundrel
подлый (человек, поступок)	mean, base

щепóть (уменьшит. щепóтка)		pinch
хмель		hep (betan.), drunkenness
барахлó		trash, rags
"из-под полá"	slang expr.: secretly, stealthily, or on the black market	
поднóжка		step, foot-beard
отвёс		plumb-line (carpent.)
отвёсная скалá		vertical, sheer rock
галушка (галушки)		boiled dumplings (Ukrainian dish)
подпорка, подпóрки		scaffolding
"халту́ра"	slang: sloppy superficial job	
халту́рить		
шов (швы)		seam
выдáвливать (зубную пасту)		squeeze out
вы́давить		
подми́гивать		wink (at)
подмигну́ть		
"сучье вéмя"		udder of the bitch
Г....к		s...-h..k
авра́л		all hands on deck (Navy)
клад		treasure
вози́ться (возу́сь, возо́жсья)		fool around, tinker at
пéшка		pawn (chess), unimportant person
морга́ть		blink
заморга́ть		
моргну́ть		
сло́й (сло́й)		layer
подъёмник (подъёмный кран)		crane (hoisting device)

отыгрываться	win back
отыграться	
придира́ться (к кому, чему)	nag, harass, finding faults
придра́ться	
иша́к (ишака́)	donkey
иша́чить	work like a horse (donkey)
ла́дить	be on good terms
подво́дить (вы меня опять подвели)	let someone down
подве́сти	
опомни́ться (прийти в себя)	control oneself, come to
безде́льник	leazer, idler
неве́жество	ignorance
неве́жливость	bad manners
неве́жа	beef
суе́титься	fidgeting
засуе́титься	
обла́ва	police raid
навёрсты́вать	make up
наверста́ть	
коля́ска	init.:carriage driven by horses; here: a gram
валы́ться с ног (я просто валюсь с ног от усталости)	
свалы́ться "	collapse, fall down, tumble
наискоско́к	slantwise
наискоско́сь	"
ра́сья	at a trot
миновáть	pass by, pass
поперё́к	crosswise

точить (нож, топор, карандаш) наточить, отточить	sharpen (knife, pencil, axe)
"надоестъ хуже горькой редьки"	(idiom.) Get tired of...
услужливый ("услужливый дурак опаснее врага")	-helpful
засуха	drought
фанера	panel, veneer
трепать	wear out
вытряхивать вытряхнуть	shake out of...
спайка	close unity, friendship, esprit-de-corps
мак	poppy (botan.)
пузо, брюхо (живот) пузатый	(vulg. expr.) belly big-bellied
переть спереть	slang expr.: to steal
забитый (человек)	downtrodden, oppressed person
откормленный (как свинья)	especially well fed (usually of pigs, horses, fowl, etc.)
тыква	pumpkin
пружина	spring (like in a mattress)
пух пуховые подушки	down, fuzz
барашковый (от "барашек" - уменьшит. от "баран")	adj. lambskin
перила	railing, banisters
шлагбаум	crossing gate (R.R.)
сноп (снопы)	sheaf
топтать затоптать, втоптать	trample

подсолнух (под солнцем)	sunflower
кóршун (кóршуны)	kite (ornithol.)hawk
святóй	saint, sacred
злодéй (злодéи)	villain
сгóрбленный (от слова "горб") горбáтый	bent (of a person) hunch-back
трéщина	crack
гнилóй гниль	rotten rot
та́почки (туфли)	slippers
подкля́дка	lining
лопу́х	burdock (botan.)
"рукой махну́ть"	init.:to wave;here -to lose one's interest
ястреб ястреби́ный	hawk adj.
нюх (чу́тьё)	scent
копчёная рыба коптитъ (что)	smoked fish
капте́р (старое "каптенáрмус")	Clothing Warehouse Manager
ба́нщик (от слова "ба́ня")	Public bath assistant
ле́звие (напр.лезвие ножа)	blade
стру́жки	shavings
опи́лки	sawdust
всхли́пнать всхли́пнуть	sob
расстра́иваться(чем) (он этим очень расстроен) расстрóиться	to get, to be upset

подмáргивать (то же, что "подмигивать") подморгну́ть	wink at
мерзáвец, мерзáвка	scoundrel
ме́рзкий	disgusting
хрен	horse-radish
чу́ять почу́ять	to scent (especially of a dog)
"у́рка" (уголб́вник)	slang expr. a criminal
скрипéть (дверь скрипит) скри́пнуть заскрипéть	screech, screech
сметáна	sour cream
дармоéд (даром ест)	parasite, free-loader
натáскивать натаскáть	init.: to bring a lot of... here: train
усéрдие усéрдный	zeal
трепáться	blabber
на́кипь	sediment (as in a coffee pot)
искажа́ть искази́ть искаже́ние (средн.р.)	distort, disfigure distortion
искази́лся	became disfigured
прихо́д	income; also -a parish (church)
ла́па (ла́пы)	paw
те́рние	Church-slavonic : thorns
оска́ливать (зубы) -ся оска́лить рыча́ть, зарыча́ть	bare one's teeth growl, snarl